

Петр Немировский

НЬЮ-ЙОРКСКИЕ ЧАЙКИ

Повесть

НЬЮ-ЙОРКСКИЕ ЧАЙКИ

Глава 1

Как только Арсюша закончил первый класс и начались каникулы, семья переехала на лето в Sea Gate. Из вещей взяли, казалось бы, самое необходимое, но набралось столько, что едва зачихали в кузов арендованного вэна. Арсюша прижимал к груди плюшевого леопарда и буги-борд (доску для плавания), Тоня держала сумочку с документами, Осип сидел за рулем.

Подъехали к пропускнику, где в кабинке седой контролер попросил документы. Осип показал свои водительские права, сказал, зачем они сюда приехали. Полосатый шлагбаум поднялся, и машина въехала в Sea Gate – своеобразную курортно-жилую зону, что находится в Бруклине, на самом берегу залива.

Контраст этого небольшого участка, огороженного забором и охраняемого собственной полицией, с внешним миром «по ту сторону забора», разителен. По городскую сторону – грязь, покореженный асфальт, ни деревца, ни кустика. Вдобавок, в округе полно многоэтажек с субсидированным жильем для бедноты, а значит, там драки, ругань, дикие подростки, рэп, повсюду валяются пустые бутылки из-под водки, наркотики. Громады домов без балконов. Вдобавок, духота и жар от асфальта, который летом нагревается до того, что, кажется, вот-вот начнет обваливаться пластами.

А за забором, в Sea Gate – кусочек рая: кроны платанов и туй отбрасывают тени на чистые дороги, кусты роз и сирени, шелест ветра в цветках орхидей. Неспешность, расслабленность во всем – в походке, разговорах. Женщины – в шлепанцах, соломенных шляпах и купальниках, длинных легких юбках или с полотенцами вокруг бедер; мужчины – подтянутые, загоревшие, независимо от возраста напоминающие неутомимых белозубых самцов. Океанский бриз, рокот волн. Охрана.

Когда-то этот район принадлежал ортодоксальным евреям, служил им загородным местом отдыха, курортом на летний сезон, где после шумной, утомительной жизни в городе они могли бы спокойно молиться, гулять и проводить время на пляже так, как того требует ортодоксальный иудаизм, то есть в одежде. Не полагается посторонним глазеть на обнаженное тело еврея или еврейки, и никакие ссылки на Адама и Еву, из одежды имевших лишь фиговые листочки, неуместны.

Еврей должен быть одет и на пляже. Такова воля Всевышнего! Так сказано в Талмуде!

Со временем курортную зону Sea Gate сделали пригодной для проживания круглый год. А хасидов несколько потеснили итальянцы и русские.

Демографические перемены сказались и на архитектуре Sea Gate: к безыскусным, часто запущенным домам ортодоксальных евреев присоседились новые роскошные виллы с колоннами из белого мрамора и помпезными фонтанами.

Sea Gate, куда переехал Осип с семьей, располагался приблизительно в полчаса езды на машине от дома в Бруклине, где жил Осип с семьей. Так что, в случае необходимости, всегда можно было заскочить и домой.

* * *

Распаковались и устроились на новом месте быстро. До сентября сняли квартиру в двухэтажном доме одного ортодоксального еврея. Жилище это имело ряд достоинств: до пляжа рукой подать, плюс большой зеленый задний дворик, где росли старые деревья, стоял стол под навесом, скамейка, что раскачивалась на манер качели. Почти как на даче.

...Осип, в шортах, полулежал в шезлонге, потягивая виски с томатным соком. Сорока двух лет. Худощавый, среднего роста; высокий лоб и мягкие волнистые волосы, зачесанные назад. Орлиный нос и узкий подбородок. Он производил впечатление человека смертельно уставшего, отрешенного от внешней суеты, но, в то же время, неким иным зрением не перестающего пытливо глядеть на все вокруг.

Маленькими глотками попивал огненное виски, смотрел то на красногрудую птицу на проводах, то на Арсюшу, заводившего знакомство со своим сверстником в некогда белой, а ныне посеревшей рубашечке и ермолке. Тоня тем временем заканчивала благоустройство нового гнезда.

Чем объяснить эффект пронзительной смены настроения? Вернее, не настроения, а настроя сердца, когда испытываешь страшную усталость, опустошенность, и тут – смена обстановки, и какая-нибудь случайная мелочь, скажем, запах скошенной травы или вид летящего косяка уток, переворачивает всю душу, вливая в тебя новые силы и надежды?.. Приблизительно такое состояние испытывал сейчас Осип; некая магнетическая сила таилась для него в этой земле Sea Gate, чем-то родным здесь был напоен воздух. Горячий, дымящийся асфальт города,

в трещинах и ямах, заплеванный и загаженный, отравляющий легкие, – остался там, за забором...

Осип слегка захмелел от виски, от воспоминаний, от усталости после переезда и ночного дежурства в гостинице «Мандарин».

* * *

Несколько месяцев назад его фильм «Призраки Бруклин Хайтс» (Shadows of the Brooklyn Heights) демонстрировали на нью-йоркском фестивале Независимого кино! И это еще не все: картина была отмечена специальным призом жюри.

Сколько было потрачено сил, времени, денег! Поиски продюсера, почти год съемок, бессонные ночи монтажа, приступы злости, отчаяния, томительное ожидание после каждой поданной заявки на участие в фестивале...

Фильм был посвящен драматургам и поэтам, в разное время проживавшим в одном из красивейших и загадочных районов города – Бруклин Хайтс. Осип по крохам собирал материалы о местах, где четыре мастера – Уолт Уитмен, Юджин О`Нил, Артур Миллер и Иосиф Бродский – жили, любили и умирали. Замысел был таков – показать связь места и времени, и как все это влияло на их творчество. Осип пытался проследить и угадать, где рождались сцены их будущих пьес и поэм, как пейзажи, архитектура старого города создавали особую атмосферу, и почему именно это место в Нью-Йорке всегда привлекало писателей.

Фильм вряд ли получил бы такое признание, поскольку уж слишком сильно в нем просматривался «классический русский почерк, то есть избыток философичности и смысловой перегруженности», если бы не находка Осипа, поместившего в картину молодого и безумно талантливого Ника Чеда, выступившего в роли типичного американца и литературного гида под именем Джек (кстати, он был единственный, кто в их съемочной группе получал деньги). Именно Ник вдохнул в русскую картину американский дух.

Актерский дар Ника имел редкое сочетание комического и трагического, позволяя ему легко менять амплуа и постоянно держать зрителя в напряжении. Одетый в стиле ретро: костюм-тройка, галстук и шляпа, с бутылкой пива в руке и сигарой в зубах, исполненный обаяния Джек разгуливал по улицам Бруклин Хайтс и непринужденно рассказывал истории из жизни литераторов, вдохновенно читал отрывки из их сочинений. Неожиданно нырнул в какой-нибудь храм или

в бар и перевоплощался то в Уитмена, то в О'Нила, – и призраки великих оживали...

В интервью, отвечая на вопрос, как это ему, иммигранту из России, удалось так чутко уловить поэтику чужой культуры в фактически чужом для него месте, Осип замысловато ответил, что район Бруклин Хайтс ему напоминает некоторые улицы в Петербурге, где он ощущал присутствие давно ушедших писателей и даже иногда видел их призраки. «Эти города – Петербург и Нью-Йорк – несмотря на все внешние различия, внутренне очень схожи. В них сквозит какая-то неизбывная меланхолия, поэтика упадка. Человеку в таком месте некомфортно. Но почему-то именно на такой вот заболоченной почве, в этом сыром, туманном воздухе рождается настоящее искусство. Неспроста же один из героев моего фильма, поэт Иосиф Бродский, – коренной петербуржец... За настоящее искусство писатели всегда платили собственной кровью, будь то в России или в Америке, мой фильм и об этом тоже».

Конечно, нью-йоркский фестиваль Независимого кино – не Канны и не Оскар. Но это серьезная заявка, сулящая творческие возможности и перспективы.

После недолгого звездного периода – с хвалебными рецензиями в прессе, позолоченной крохотной статуэткой и 10 тысячами долларов – следовало отдохнуть, восстановиться, все осмыслить и решить, в каком направлении двигаться дальше.

Да, он был счастлив, как бывает счастлив художник, создавший произведение, которое оценили.

А тут еще ателье, где Тоня работала менеджером, из-за сокращения заказов на лето закрылось. Словом, все шло к тому, чтобы провести лето в Sea Gate. И для Арсюши лучшего отдыха не придумать.

Глава 2

Шестилетний Арсений спал тревожно, ворочался и часто просыпался. Вот снова проснулся, сел на кровати, недоуменно глядя перед собой. Свет фонаря у дома проникал сквозь окошко в комнату, где повсюду валялись пластиковые фигурки борцов, машинки, плюшевый леопард. Мама сразу была против леопарда, она леопарда не любит, говорит, что тот собирает пыль, и предупредила, что на пляж «он с нами ходить не будет, он боится воды, и там ему делать нечего». Но Арсюша и не думал брать леопарда на пляж, Арсюша уже достаточно взрослый, понимает, что можно, а что нет. Завтра на пляж он возьмет только самое необходимое: ласты, маску, карточки «Покемон», летающего

змея, акулу, мяч и... леопарда, если мама не заметит. Хорошо бы взять и лэптоп, но о таком Арсюша-реалист даже не мечтает.

Он огляделся вокруг, увидел на полу кончик знакомого хвоста. Наклонился, потянул за хвост – и через миг леопард лежал с ним рядом на подушке.

Думал Арсюша о маме: она строгая, постоянно требует от него красиво писать буквы, правильно держать карандаш и заниматься математикой. Проверяет все его домашние задания. Еще мама любит слушать классическую музыку и листать журналы мод. За этими занятиями она всегда спокойна и задумчиво хороша. А иногда она берет в руки книжицу в кожаном переплете с золотистым затертым крестом, подходит к иконе на стене, крестится и начинает вполголоса молиться. Порой отрывает глаза от книги и смотрит на икону, где изображен бородатый старик в пещере и черная умная ворона на камне. Мама осеняет себя крестным знаменем, что-то шепчет, будто выпрашивает чего-то у того старика. Иногда вытирает глаза, и тогда Арсюше становится ее жалко.

Папа не молится, крест не носит, нудных книг не читает. Папа вечно с фотоаппаратом или видеокамерой. То уходит надолго из дома, то в своей комнате – куда без его разрешения входить нельзя даже маме. Но его фильм, о котором так много говорили родители и так шумно обсуждали дома разные гости, по правде говоря, и к большому огорчению, – совершенно неинтересный, сплошное занудство: там только дома, парки, кладбища, разговоры. Ни тебе динозавров, ни спайдерменов.

Изредка папа тоже идет с ними в церковь, где Арсюше скучно. Единственное там развлечение – зажигание свечек, но длится это недолго. Арсюша ждет, когда заунывное пение закончится, и можно будет причаститься с золотой ложечки, а потом запить теплым сладким вином с просфоркой. А после этого – в пиццерию или «Макдональдс»! Иногда папа пытается объяснить ему разницу между русскими, евреями и американцами. Разобраться в этой мешанине Израилей, Иисусов, морей и океанов Арсюше непросто. Значит так: папа – еврей, любит Израиль и русскую культуру; мама – русская, любит вроде бы всех, и евреев, и русских, но жить хочет в Америке. Арсюша же – американец, но больше всего любит Ямайку, где они отдыхали в прошлом году. Там он весь день съезжал по водной горке, ловил ящериц и гонялся за попугаями, в общем, был очень занят. У причала там стоял настоящий пиратский корабль, который вечерами под шумную музыку отправлялся в море, но детей туда не пускали.

Папа часто хмурый, сердитый. Зато когда он в хорошем настроении – придумывает интересные истории.

Арсюша закрыл глаза, представил, как завтра всей семьей пойдут на пляж, как он с разбега бросится в волны, будет плыть, отгоняя акул...

Хорошо, что школа закончилась!

Он согнул ноги в коленках, прижав их к самому животу, уснул.

* * *

Ночные улицы Sea Gate. Тихо, только стрекочут цикады, и доносится рокот океана. Яркая луна освещает безлюдные улицы. Осип подошел к забору, обтянутому металлической сеткой вдоль берега. Ночью калитка на пляж закрыта. Однако в разных местах сетка от столбиков оторвана. Осип пролез в одну из таких щелей и, спрыгнув с невысокого песчаного обрыва, пошел к воде.

«Ди-ин... Ди-ин...» – это старый маяк. Сам маяк сейчас в темноте не виден, лишь красный его фонарик качается на волнах, да железное било грекает внутри о ржавый кожух. «Ди-ин... Ди-ин...»

Пляж, где днем купаются, отсюда далековато, а здесь – заброшенный унылый берег: валяются обугленные, замшелые бревна, темнеют груды бесформенных валунов, похожие на обломки шхун. На водной колышущейся поверхности, вспениваясь, тают белые хлопья. А вдали – облитый огнями, мост Верразано и небоскребы Манхэттена. Необычное смешение вечности и сиюминутности.

Осип сидит у самой воды на бревне. Прохлада освежает лицо. Он всматривается во тьму и словно видит деда Арона, со старого фотоснимка. Лицо умного еврея, практиковавшего врача-кардиолога: «Ну что, режиссер, дождался? У тебя теперь начинается новая жизнь. Смотри только, не потеряй голову, не заболей звездной болезнью!» – наставительно изрекает дед. Подмигивает, достает из прорези жилетки карманные часы на цепочке: «У-у, время-то как бежит...».

– Осип, ты, что ли?

Вздвогнув от неожиданности, он обернулся.

– Что, тоже не спится? Беда с этим сном. Я вот и валерьянку пробовала, и ромашковый чай. Ничего не помогает. Говорят, лучшее средство для сна – ночная прогулка у океана, с омовением ног и рук. Сейчас попробуем.

Его глаза уже привыкли к темноте, к лунному свету. Он видит, как Стелла входит в воду, подтянув до колен спортивные штаны. Еще шаг-другой, и ее контуры становятся расплывчаты. Кажется, она наклонилась, опустила руки в воду.

– Ну вот, океанская ванна принята. Посмотрим на лечебный эффект, – она садится рядом с ним на бревне, вынимает из пачки сигарету.

Вспыхнувший огонек зажигалки ярко освещает ее ровный нос, губы, сжимающие сигарету, прищуренный левый глаз с густыми ресницами.

– А где жена? Спит?

– Да, у нее сон крепкий и без валерьянки.

– Хорошая у тебя жена, преданная, – Стелла выпускает дым, и Осип улавливает ментоловый запах сигареты.

– А ты откуда знаешь, что преданная? Может, наоборот, гулящая? – шутит он.

Его несколько удивляет неожиданный поворот в их разговоре – о Тоне и его семейной жизни, знакомы-то со Стеллой они лишь шапочно: пару раз на пляже перебросились незначительными фразами о погоде, температуре воды, ее «замедуженности», – о чем обычно говорят отдыхающие после купания.

...На эту шатенку Осип обратил внимание в первый же день, с первой же минуты, как только увидел ее на пляже. Она входила в воду, выразительно виляя роскошными бедрами, и красный треугольник ее трусиков двигался плавно и заманчиво, пока не скрылся в набежавших волнах. Она заплыла так далеко за буйки, что парень-спасатель на вышке стал настойчиво дуть в свисток и энергично махать руками, мол, назад! назад! Стелла тогда послушно поменяла курс и поплыла вдоль берега.

Осип лежал под зонтом, следил, как исчезала и выныривала из воды ее темная голова. Ждал, когда Стелла выйдет, чтобы убедиться в соответствии воображаемого им кадра и действительности. И Стелла не подвела! – вышла из океана, как богиня: вода струилась по ее налитым плечам и бедрам, она вся сияла жизнью и огнем, беспечная, уверенная в себе. И если бы не пожилой мужчина рядом, мужчина с отвисшим, в складках, животом, наклонившийся над водой и брызгающий себе под мышки, то вся сцена была бы великолепна, как на экране. С той минуты Осип уже не сводил со Стеллы глаз. И, кажется, она об этом знала...

– Твоя жена – гулящая? Смешной ты. Да она за тебя в огонь и в воду. Поверь мне. Я в женщинах разбираюсь.

Соединив пальцы рук, она поднимает их над головой, выгибается.

– А-ах, хорошо... Почему все хорошее быстро уходит? Нет бы, тянуться такой ночи лет сто! Луна такая чистая, как у нас, в Бессарабии. Сороки – слышал о таком городишке? Я там выросла. А ты откуда родом?

– Из Питера.

– А-а, город на Неве. Никогда там не была. Правда, я много где не была, путешествую только в фантазиях. Ладно, пора идти.

Он встает, идет следом за Стеллой.

– Это правда, что ты известный киношник?

– Да, режиссер. Правда, насчет известный, не уверен. Во всяком случае, еще пока не Феллини и не Тарковский. Откуда ты знаешь, что я снимаю фильмы?

– В Sea Gate, как у нас в Сороках, – все обо всех все знают и постоянно сплетничают. Если что услышишь обо мне, не удивляйся.

– А я знаю и без всяких сплетен, что твоя любимая актриса – Софи Лорен. Вы с нею чем-то похожи, такая же масть. Угадал?

– Масть бывает у лошадей, – резковато отвечает Стелла, видимо, задетая тем, что кто-то незнакомый столь бесцеремонно проник в ее святая-святых.

«Ди-ин... Ди-ин...» – глухо и жалобно стучит железное било в кожухе маяка.

– И про что же твои фильмы? Небось, про мафию?

– Нет, про писателей.

Они уже у самого обрыва. Осип влезает наверх, протягивает Стелле руку. Она, однако, словно не видит его предложения помочь: ловко упирает ногу в торчащий корень, хватается за железный столбик, врытый в землю, – и через миг, как сильная кошка, запрыгивает вверх. Отряхивает штаны от песка. Оба пролезают через дыру в сетке, идут по тропинке.

– Тоня у тебя хорошая, любит тебя. И мама тоже заботливая, – в голосе Стеллы как будто слышны издевательские нотки. – Вот мы и прибыли. В ее доме погашены окна, на стене у наружной двери горит фонарь. У крыльца куст жасмина. Осипу вдруг становится душно. Мешанина из запахов океана, цветов, сигаретного дыма, машинного масла из подвала разом ударяет в голову.

– Ну что, режиссер, спасибо за компанию. До встречи на пляже, – она выбрасывает сигарету, игриво шевелит пальчиками на прощанье.

Осип возвращается домой. Сначала входит в комнату Арсюши. Тихонько вынимает из рук ребенка леопарда, подтягивает простынку к плечикам сына, гладит его по волосам. И... ловит себя на мысли, что эта мизансцена сентиментальной отцовской любви так банальна. Бессмертный кадр-штамп: сладко спящий в кроватке ребенок, которого гладит по головке любящий отец.

В окнах жужжат лопастями вентиляторы. Осип заходит в спальню. Там Тоня – в черных трусиках, маленькая грудь открыта. Горит настольная лампа. Осип садится возле жены.

– Что, прогулялся? – Тоня откладывает журнал мод, протягивает мужу руку, уже тронутую загаром. – Тебе, кстати, звонил Ник, интересовался, как дела, просил перезвонить. Может, у него есть для тебя какое-нибудь интересное предложение. Ты ведь теперь – звезда, нарасхват.

Осип гладит жену по бедрам, задумчиво смотрит на пустую стену перед собой.

– Позвони на работу и возьми на неделю отпуск, – продолжает она. – Вообще стоит подумать о смене антуража. Тебе пора уходить с этой дурацкой работы охранника гостиницы, ты ведь режиссер, – Тоня отодвигается к стене, освобождая рядом на кровати место.

– Завтра поеду домой за фотоаппаратом и видеокамерой, – произносит он тихим, но решительным голосом.

Глава 3

Новые соседи по дому – Джеффри, Эстер и пятилетний Мойше.

Главе семьи – лет сорок; худой, ростом чуть выше среднего. Всегда в несвежей белой рубашке, мятых штанах с болтающимися на поясе белыми ниточками-циццерами. Похоже, лысеющий, но с уверенностью сказать нельзя, поскольку ермолка. На вытянутом бородатом лице Джеффа часто выступают нездоровые красные пятна. В общем, обычный хасид средних лет.

Хотя... если приглядеться повнимательней, что-то нетипичное, «не хасидское», сквозит в его прямой, а не сутулой фигуре, в свободных жестах, несколько вальяжной походке.

Его жене Эстер лет тридцать пять; круглолицая, в старомодной шляпке, длинной юбке, из-под которой проглядывают белые кроссовки, в застегнутой плотно блузке, подчеркивающей полноту плеч и отсутствие талии. Ее любимые занятия: пить пиво, играть с детьми во дворе в футбол и устраивать Джеффу сцены.

Они поженились год назад, когда Эстер оставила в Денвере своего мужа-алкоголика и 15-летнюю дочку и, взяв с собой пятилетнего сына Мойше, приехала в Нью-Йорк. В Денвере она была далека от хасидизма, напротив, любила бары, казино, выпивку, словом, все то, что суровый Господь на дух не переносит. Но в Нью-Йорке, сойдясь с Джеффри, вынуждена была войти в лоно ортодоксального иудаизма, омыться в водах Миквы, сменить шорты на длинную юбку, надеть парик, шляпку и в положенные дни ходить в синагогу.

Ее сын Мойше тоже быстро преобразился: оброс пейсиками и надел ермолку. У него глаза черные, как угольки, и сам он очень смуглый. По

словам Эстер, сын – в деда, который был наполовину евреем, а наполовину индейцем.

Мойше, ошарашенный событиями и испытаниями, выпавшими на его ребячью долю, – драками пьяных родителей в Денвере, расставанием с отцом и сестрой, переездом в чужой город, знакомством с дядей Джеффом, который, как и папа, часто бывает пьян, и от него исходит неприятный запах сигарет, но, в отличие от папы, он маму не бьет и незнакомых пьяных женщин домой не приводит, а ходит в синагогу; короче, от всех этих перемен бедный Мойше потерялся и как-то утратил связь с окружающим миром. По природе мальчик добрый, безответный, он смотрит вокруг удивленными и не по-детски грустными глазами, словно хочет спросить: а почему это так? а неужели нельзя, чтоб всё было иначе?

Игрушек у Мойше почти нет, телевизора в их доме тоже нет. В хедере, куда он пойдет учиться этой осенью, пока каникулы. Ни друзей, ни приятелей у бедного Мойше. Любимая собака Джилл осталась с отцом и сестрой.

Стоит ли говорить, каким счастьем для Мойше стало появление Арсения! На зеленом газоне, где еще вчера лежал только черный шланг для полива травы, теперь повсюду валяются надувные круги, пиратские корабли, динозавры. На столе часто стоит лэптоп с подключенным интернетом, где можно играть в компьютерные игры, а в холодильнике в квартире Арсения всегда несколько сортов мороженого – с шоколадом, орехами и ягодами.

Пригласив Мойше в гости, Арсюша, как хозяин, деловито подставляет к холодильнику стул, взбирается, открывает морозилку и вытаскивает оттуда сразу все упаковки. Иногда, правда, случаются неприятности, скажем, тяжелые упаковки падают на пол, или Эстер вдруг спохватывается, что сына нет во дворе, и начинает поиски. Тогда Мойше быстро откусывает холодные куски, обжигающие рот, и едва не проглатывая их, выбегает обратно во двор. На вопрос мамы, что он делал у соседей, Мойше, измазанный шоколадом и кремом, правдиво отвечает, что ел мороженое.

* * *

– Никогда не думал, что стану наркоманом. Я мечтал стать знаменитым певцом, когда-то имел редкое сопрано... Мы жили в небольшом городке в Кентукки. Родители отдали меня в специальную музыкальную школу, платили за учебу сумасшедшие деньги. А потом, когда мой голос стал ломаться... – Джеффри крепко затянулся

сигаретой, словно желал еще сильнее посадить свои голосовые связки. – Моя музыкальная карьера на этом закончилась. И все пошло прахом. Они сидели во дворике под навесом. На столе – открытая бутылка водки Grey Goose, на блюдцах – маслины и ломтики сыра.

День клонился к вечеру, но было еще достаточно жарко. Неподалеку ремонтировали дорогу, и сюда порой ветром доносило едкий запах горячего асфальта и жидкой смолы.

Джеффри налил себе еще рюмку:

– Десять лет наркомании! Героин, кокаин, таблетки... Овердозы, госпиталя, жизнь на улице... – он говорил вполголоса, чтобы не слышали ни Эстер, играющая во дворике с детьми в футбол, ни Тоня, полулежавшая в шезлонге с книжкой в руке.

Трудно объяснить, с чего вдруг Джеффри так разоткровенничался с этим евреем из России, который наверняка даже не знает, как выглядит пакетик героина. Кто ему Осип? Первый встречный. Но ведь первому встречному порой бывает легче открыться, чем близкому родственнику.

Осип, впрочем, и сам был несколько удивлен откровениям соседа. Хотя каким-то чутьем улавливал связь с сидящим напротив, пусть их и разделяло действительно слишком многое. Но ведь истинный язык – не тот, на котором произносятся слова, а тот, на котором общаются души...

– Из-за моей наркомании семья от меня отказалась, – продолжал Джефф.

– Еврейская семья отказалась от сына? Редкое явление.

– Да, родители – преподаватели в колледже, уважаемые люди, их можно понять – пятно на репутации... Если бы я остался в Кентукки, наверняка бы погиб. Но Богу было угодно меня спасти и привести сюда, в Нью-Йорк. Слава Богу, Барух Ашем! – он махом опрокинул рюмку водки, закусил маслиной.

Осип тоже выпил, скривился. Водку он пил редко, предпочитая виски или коньяк. Но, как известно, хасиды коньяк не пьют, и чтобы провести приятный вечер в компании, пришлось соседа угощать водкой.

Он слушал эту исповедь, и вдруг в какой-то момент религиозные атрибуты Джеффри – пейсы, бороду, ермолку – словно сдуло куда-то. Осип увидел перед собой слабого, надломленного человека. Даже выражение лица Джеффри ему показалось сейчас наркомански-вороватым.

Попытался себе представить: небольшой городок в Кентукки, маленькие заводы и фабрики. После работы здоровые парни идут в пивные бары и буфеты, пьют там пиво со стейками, разговаривают о

страховках на автомобили, о банковских ссудах на дома, о Дерби. И этот ранимый, чувствительный Джефф, потерявший свое редкое сопрано, а вместе с ним и свое «я», ну никак не вписывался в здоровую, разумную жизнь рабочих парней в далеком Кентукки.

– Хасидская община Sea Gate делает богоугодное дело, – дали мне работу повара в иешиве. Стыдно сказать, мне почти сорок лет, а делать толком ничего не умею. Но жизнь постепенно налаживается, Барух Ашем! – Джеффри снова налил себе, и водка в бутылке спустилась ниже нарисованных на стекле гусей. – Вот женился, усыновил Мойше. Не нюхаю и не колюсь... Конечно, Талмуд мне дается с большим трудом, моя семья религиозной никогда не была, отец вообще в Бога не верил. В иудаизме я почти как турист... Знаешь, иногда молюсь в синагоге, и вдруг кажется, что это молюсь не я, а мой двойник. И думаю себе: пусть бы этот двойник так и оставался здесь, в талесе и с Торой, пусть молится, а я бы... сбежал в Кентукки, там такой хороший героин, ты себе не представляешь... чистый, без примесей... – Джеффри вдруг замолчал, словно сам испугался своих слов.

Помолчали.

– Осип, ты ведь еврей, правда?

– Да.

– А твой сын с крестом. И жена тоже с крестом. Как же так?

– Так. Все это сложно объяснить.

Осип взглянул на Тоню, она уже закрыла книгу, собираясь встать. Почему-то сейчас жена показалась ему не столь привлекательной, как обычно. Слишком худой. И подбородок какой-то скошенный. Как на беду, она поправила на груди серебряный крестик, и этот безобидный жест отозвался в его душе еще большим раздражением.

Крестик на груди сына вызывал у Осипа смешанные чувства. Он уступил Тоне, согласившись, чтоб сына окрестили, потому что Арсюшу, по ее словам, она вымолила у Христа после мучительных лет бесплодия. Он помнил ее отчаянье, походы к врачам, нужные и ненужные операции, как быстро таяли собранные деньги, а с ними и ее надежда стать матерью. И как по мере угасания надежды Тоня все больше уходила в религию, к лампадам у икон. Осип был молчаливым свидетелем отдаления жены. Он почти не противился, видя, как их квартира постепенно превращается в «келью», где на стенах остается все меньше репродукций картин и фотографий, зато появляется все больше икон. Строгость и твердость Тониного характера проявлялись в неукоснительном соблюдении церковных правил. Бог ведь, в каких грехах она признавалась и истово каялась толстому священнику, подолгу ей что-то шептавшему на ухо у алтаря, прикрыв ее голову

эпитрахилью, а Тоня плакала. Мог ли Осип после всех ее постов, обетов и слез запретить крестить Арсения?..

– Хочешь, надену тебе тфилин? – предложил Джеффри. – Знаешь, что это за обряд?

– Да.

– По-моему, еще не поздно, – Джефф посмотрел на часы, затем достал из кармана мобильник, набрал номер. – Да, ребе, это я. Хочу надеть тфилин одному очень хорошему еврею, – он подмигнул Осипу. Закончив разговор, спрятал телефон обратно в карман. – Тебе повезло, еще есть время. «Не бойся, ибо Я с тобою. Не отступай, ибо Я – Всесильный Бог твой. Я твоя опора!» – прочитал он по памяти слова молитвы на английском, и Осипу показалось, что последнюю фразу Джеффри даже пропел, на манер Боба Дилана.

Откинувшись в кресле, Осип взглянул на небо, где в просвете между кронами деревьев показался прозрачный месяц. Смутные видения прошлого мелькнули перед глазами, воспоминания о том времени, когда он еще в Петербурге пытался войти в иудаизм, но так и не смог...

– Нет, лучше не сегодня. Как-нибудь в другой раз.

Глава 4

Не все на первый взгляд поддается логическому объяснению. Впрочем, стоит попытаться понять, зачем Осипу понадобилась эта неинтересная и, по сути, бесперспективная работа в Оперативном центре охраны гостиницы «Мандарин».

Сама работа – низкооплачиваемая, Тоня как менеджер в ателье даже в такие неблагоприятные времена получала раза в три больше. Конечно, любой доход впрок. Но стоило ли губить время, часами просиживая перед экранами в зале Оперативного центра охраны? Тупо глядеть, как по коридорам двигаются безликие постояльцы, как они входят в спасалоны, гостиничные бары и рестораны, как по тыльным коридорам горничные толкают к грузовым лифтам контейнеры с грудями грязного белья, а у входа швейцары в красных камзолах и фуражках услужливо открывают двери возбужденным нью-йоркской атмосферой туристам. Скрытые камеры в здании наведены на все лестничные клетки, пожарные выходы, разгрузочные площадки, гаражи, отсеки вентиляционного и электрического снабжения. Нет, тратить свое драгоценное время, чтобы пялиться в экраны, рассматривая все это, определенно не стоит.

Уход мужа в охрану Тоня приписывала его очередному чудачеству, выверту, к которым после десяти лет совместной жизни она привыкла.

...Когда-то выходя замуж за студента театрального института, она втайне надеялась, что Осипа ждет блестящее будущее театрального режиссера: Питер, потом, может, Москва. Себя же она видела на вторых ролях, где слава, деньги, интересная жизнь будут обеспечены мужем, а ей лишь останется подставлять свое хрупкое плечико под это сладкое бремя. Еще бы! Он ведь (а на этот счет у Тони не было ни грамма сомнения) чертовски талантлив! Она в его талант верила больше, чем в себя.

Но когда до окончания института оставался год, Осип вдруг сделал, по его словам, прыжок с Аничкова моста – бросил институт и пошел учиться на кинооператора. «Жаль, конечно, что он не закончил институт. Но кому сегодня в России нужны дипломы, кто на них смотрит? Кино? Что ж, это даже лучше, – решила Тоня. – Более современно, больше перспектив».

О-о, наивные представления жен, связавших свою судьбу с художниками! Не ждите, девушки, того, что показывают в красивых фильмах и о чем пишут в глянцевого журналах. Врут они всё! Врут. И если вам доведется встретить бледного юношу с горящим взором, который вам покажется гением, – бегите от него! Бегите без оглядки, пока вы не превратились в еще один столб соляных слез!

Закончив операторские курсы, Осип недолго поработал ассистентом оператора на студии документальных фильмов, участвовал в съемках ленты про беспризорных детей.

Фильм еще монтировался, но не за горами был очередной «прыжок с моста»: однажды мартовским утром Осип появился у американского посольства в Москве, где в очереди, ежась от холода и тревоги, стояли евреи, желающие покинуть Россию.

Как объяснил потом Тоне, он еще «не чувствовал себя готовым к настоящему творчеству», еще «не вызрел в нем художник». Оказывается, вокруг не было чего-то такого... Когда не хватало слов, вернее, когда все слова уже были сказаны, но не достигли цели, не донесли мысль, Осип поднимал руки и делал ими замысловатые движения, чем вызывал у Тони невольную улыбку, потому что в такие минуты напоминал ей забавного танцора из еврейского местечка.

«Понимаешь, Тонч (так он называл жену), я не вижу, не вижу вокруг ни черта, что бы вошло и ожило в объективе... Я слишком хорошо знаю питерскую жизнь, я слит с нею – с Невой, мостами, пивнухами, забегаловками, сыростью и тэдэ. Я не вижу себя. Мне нужно отойти далеко в сторону, чтобы увидеть себя. Мне нужен совершенно другой опыт, другие берега...»

Тоня, еще не так давно мечтавшая взлететь на вершину мужниной славы, начала смутно догадываться, что не к захватывающим дух полетам ей лучше готовиться, а к «прыжкам с мостов». Она уже не так усиленно искала логику в поступках мужа, замечая в нем определенную странность, которую ранее принимала за одержимость гения. «Ты просто не веришь в свой талант», – убеждала его Тоня, хотя, по правде, и ее вера в талант мужа заметно пошатнулась.

«Что ж, в конце концов, Америка – не самый худший вариант, лучше, чем Израиль», – успокаивала она себя. Почему-то была уверена, что рано или поздно Осипа все равно куда-то понесет. Даже опасалась, что верх возьмет его глубоко спрятанное, до сих пор не нашедшее выражения еврейство, и «прыжок с очередного моста» произойдет не по художественным, а сионистским мотивам.

Осипом тогда овладела такая решимость, такое непреклонное желание эмигрировать, что когда в американском посольстве возникли бюрократические проволочки с документами родителей и старшего брата, он махнул рукой на семейные привязанности и, не дожидаясь развязки, купил два билета на Нью-Йорк. (Его родные так и остались в Питере, потом они уехали в Израиль.)

Осип планировал в скором времени перебраться из Нью-Йорка в Калифорнию, поближе к Голливуду, и наверняка бы переехал, не повстречай на одном из нью-йоркских фестивалей известного режиссера Славу Цукермана, создателя нашумевшего культового фильма «Жидкое Небо».

– Нью-Йорк – благодатный для кино город, сегодня это культурный центр мира, – говорил Цукерман, через несколько дней после фестиваля пригласив Осипа к себе в гости. – Жизнь здесь кипит, каждый день здесь рождаются новые идеи. Думаю, сейчас в Нью-Йорке снимается больше независимых низко-бюджетных фильмов, чем в любом другом городе на земле. В Голливуде может пробиться только тот, кто уже снял успешный фильм на английском и готов встроиться в голливудскую систему. Зато здесь, в Нью-Йорке, люди открыты для всего нового больше, чем в любом другом городе Америки, может, и мира.

Было интересно слушать этого режиссера, еврея «русского душой», так проникновенно влюбленного в Нью-Йорк. Художественная натура Осипа отозвалась, струна зазвенела, в словах Цукермана он находил подтверждение тому, что поступил правильно, уехав из России.

– Но, чтобы снимать американские фильмы, надо сначала понять американскую жизнь, а она очень сильно отличается от российской. Один мой знакомый, на пути из России в Америку во время остановки

в Италии, написал сценарий об Америке и хотел мне его прислать. Я ему ответил, что читать этот сценарий не буду. К его талантам это никакого отношения не имеет. Человек из России, который никогда не жил в Америке, не может написать сценарий об американской жизни, даже если он гений. Чтобы человек начал сносно ориентироваться в новой жизни, должно уйти несколько тяжелых лет. Хотите того или нет, но сперва нужно хорошенько потереться о колючий кустарник иммиграции. К тому же, профессия режиссера сама по себе требует безумного желания осуществить свою мечту, без этой посвященности режиссерами не становятся. Я видел много разочарований. Видел и тех, кто в бывшем Союзе хотели быть режиссерами, а здесь, в Штатах, решили стать программистами или дантистами... Что у вас за плечами, молодой человек? Какой жизненный опыт? Незаконченный институт, армия, женитьба, год работы на студии документальных фильмов... – Цукерман на миг умолк, словно представил себе чашу весов с жизненным опытом Осипа. – Я, конечно, не пророк, но... Осип, а вы, случайно, не хотите стать дантистом? Пять лет учебы – и ваше американское будущее обеспечено. Будете ставить амальгамовые пломбы и фарфоровые зубы. Захотите – переедете в Голливуд, там хорошие дантисты всегда нужны, они там не менее успешны, чем режиссеры. Купите себе виллу с бассейном, телевизор на всю стену и машину для изготовления домашнего попкорна. Зачем вам эти творческие мытарства, неопределенность, бедность?.. Ну-ну, не сердитесь, шучу. Такое у меня чувство юмора...

И Осип внял совету коллеги. Тоне пришлось пережить очередное разочарование, когда, вернувшись от мэтра (Тоня втайне надеялась, что Цукерман предложит мужу работу в своем новом фильме), Осип заявил, что идет «тереться боками о колючий кустарник и встраиваться в новую жизнь». Идет работать таксистом. Потом была работа агента по продаже недвижимости, фотографа в ателье, санитара в хосписе. Словом, его жизнь напоминала теперь даже не захватывающие прыжки с мостов, а ползание на брюхе.

Зато карьера Тони, расставшейся с иллюзиями, потихоньку пошла вверх: начав с портнихи, завершилась должностью менеджера в престижном ателье. Мужа она жалела изо всех сил, смирившись в душе с мыслью, что вышла замуж за хорошего человека, но неудачника со странностями, которые когда-то ошибочно приняла за одаренность.

Как многие жены мужей-неудачников, груз ответственности за семью она взвалила на свои хрупкие плечики, при этом достаточно сильно согнув свою лебединую шею. Тоня отвечала за финансовое благополучие семьи, медицинские страховки, уплату счетов. Каждую

смену работы Осипа воспринимала уже спокойно, почти без нервов, расценивая как очередное шараханье. И почти не удивилась, когда Осип вообще бросил все и на год исчез в центральной Бруклинской библиотеке.

С раннего утра садился в свой «Бьюик», прихватив в термосе горячую овсяную кашу, и возвращался вечером со стопкой книг на русском и английском.

...Он сидел в просторном зале, у высокого окна, напротив замечательного парка. За стеклом торчали извилистые ветки деревьев, зимой покрытые пушистым снегом, летом – сочной листвой и цветками. По-новому он открывал для себя Чехова, Драйзера, Диккенса. Портреты Артура Миллера, Уолта Уитмена, Юджин О`Нила, Иосифа Бродского, их пронзительные, печальные, безумные глаза смотрели на него, напоминая, что нет на земле высшей правды, чем правда искусства, а для художника нет жизни иной, чем творчество. И он уже твердо знал, что у него не будет иного выбора, и что скоро, очень скоро он возьмет в руки камеру и будет снимать...

Но больше всего огорчало Тоню безразличие мужа к сыну. Да, он проводил с Арсюшей время, но только, по ее мнению, для галочки, выполнял свой отцовский долг и при этом всегда смотрел на часы. Постоянно забывал Арсюшину дату рождения, и Тоня пускалась на всякие постыдные уловки, скажем, расставляла повсюду в квартире фотографии Арсюши, или кодами в компьютере, где могла, вводила имя и дату рождения сына.

Сын часто спрашивал: «Ма, а где папа? А когда он придет?», и ей приходилось, улыбаясь, врать, что «папа на работе, что он тебя очень любит, и на уик-энд мы все вместе пойдем в парк и в магазин игрушек».

Наступал уик-энд, и папа, случалось, действительно шел вместе с ними и в парк, и за игрушками. Стоило Арсению попросить, чтобы ему купили какого-нибудь монстра, Осип тут же доставал кредитную карточку и, набив полную корзину этими пластиковыми уродами, скоренько шел к кассе расплачиваться, в чем, кстати, Тоня видела очередное подтверждение – отец не любит сына. Да что говорить! Он почти не снимал Арсения на видеокамеру, а фотоснимки сына интересовали его исключительно с художественной точки зрения. Разве это настоящий отец? Это бесчувственный истукан, пребывающий в своих грезах. Он – холодный, любит одиночество. У него нет души.

* * *

...Арсюша каждый вечер проводил в ожидании отца, вот он придет и расскажет ему какую-нибудь историю. Ведь никто, кроме папы, таких историй сочинять не умеет. Вернее, папа их не сочиняет, а знает. Потому что герои этих историй, все, и пираты, и путешественники, – папины друзья.

Папа обещает, когда Арсений вырастет, взять его с собой к пиратам на корабль или в пустыню Израиля, где караваны верблюдов и полно пещер. Поэтому Арсений спешит вырасти. Для этого он делает все возможное: прилежно учится в школе, прыгает с дивана, писает прямо в унитаз, поднимая перед этим крышку, и на ночь иногда аккуратно складывает всех своих монстров в коробку.

Арсений уже не такой маленький, он понимает, что еще не время, нужно подождать еще годик или два, научиться хорошо читать и считать, сам будет убирать в ванной после своего купания, вот тогда-то он отправится с папой в свое первое путешествие. А пока пусть папа рассказывает ему истории. Слушая их, Арсений чувствует себя приобщенным к настоящей тайне, какой нет ни у кого из его приятелей.

Но... папы часто дома нет. «Папа занят», – говорит мама, и в такие минуты ее почему-то очень жалко. Иногда, когда Арсюша уже почти спит, он смутно, сквозь цветные круги, чувствует, как в комнату входит папа, накрывает его одеялом, гладит по голове. Арсюше хочется проснуться и папу обнять, но веки такие тяжелые, что их не поднять. Еще он боится, что вдруг он откроет глаза, а папы рядом нет... Он нащупывает волосатую папину руку и, крепко обхватив, прижимает к себе.

...И тут издалека, лазоревого и тихого, показывается корабль. Ветер треплет черный флаг, пушки нацелены на акул и осьминогов. Корабль подходит к берегу, где стоят Арсюша и папа. Вылетает на песок трап. Арсюша ступает на шаткие сходни, тянет за собой папу. И вот они – на палубе, среди пиратов. Все – одноглазые, с повязками, в красных косынках, с ножами и пистолетами. Среди них – и спайдермен, и Спондж Боб. Пираты хоть и с пистолетами, и одноглазые, но любят играть на компьютере и смотреть телевизор. Арсюша приветствует их звонким «Хэй!». Ему навстречу из каюты выходит самый лучший папин друг – пират-Розенблатт...

Ну разве можно не любить такого папу?!

* * *

К последней работе мужа – оператором в охране гостиницы – Тоня отнеслась уже почти благодушно, разве что уточнила, не опасно ли это для жизни, все-таки охрана гостиницы, мало ли что. Услышала в ответ, что более безопасного места быть не может: сидишь за стальной дверью в зале, управляешь скрытыми видеокамерами, установленными в разных точках гостиницы, смотришь на экраны, и чуть что – докладываешь оперативному дежурному. Такое описание Тоню успокоило.

Правда, еще недавно у нее теплилась искорка надежды, что Осип станет библиотекарем и, наконец, окажется в более приемлемом и достойном себя окружении. Все-таки он – интеллигент, хоть и со странностями (как говорила его мама на идиш, – «с мишигасами»). И вот опять – очередной мост и прыжок.

Осип уверял, что работа охранника даст ему возможность еще немного «повариться в манхэттенском бульоне, уловить ритм столицы мира». К тому же, у него будет прорва свободного времени, особенно по ночам, и он спокойно сможет читать книги...

И все-таки Тоня ошиблась! Прожив с ним столько лет вместе и поставив на нем клеймо горемыки, она не замечала, как все эти годы в нем вызревал талант, направлявший неведомыми путями его судьбу.

Осип купил профессиональную аппаратуру для съемок, компьютеры для монтажа. Потом написал сценарий, где оживил библиотечные портреты четырех писателей. И эти безумные мудрецы покинули портретные рамы и пошли по улицам старого Бруклина, по паркам, пивным, по церквям и синагогам, по набережной Гудзона, рассказывая о своей жизни, о том, где и при каких обстоятельствах они встречали героев своих драм и поэм, и где напивались до чертиков, любили, молились, и где умирали...

* * *

Ночи напролет Осип сидел в операторском зале гостиницы «Мандарин», за стальными дверями, надежность которых обеспечивают секретные коды и специальные пропуска. Его напарник – Уолтер, бывший полицейский, отвечающий за оперативное реагирование на случай любого ЧП, дремал, по старой привычке копа положив ноги на стол. Будучи очень разными, они с Осипом все же испытывали взаимную симпатию.

Уолтер в скором времени нашел себе подружку, проживающую неподалеку от гостиницы. Перед тем как отправиться к ней, он вытирал свое гладкое мясистое лицо и шею влажной ароматизированной

салфеткой, смотрелся в зеркало, подмигивал себе и уходил на несколько часов, а то и до утра. Он знал, что Осип никуда не денется, потому что занят своей картиной.

Осип монтировал фильм, подключив ноутбук к системе наблюдения отеля. Сверхчувствительная аппаратура и, в первую очередь, большие экраны оказались тут как нельзя кстати.

Уолтер, возвращаясь от своей подружки, добродушный, пахнущий духами и свободой, заставал Осипа в том же кресле, в той же позе, с включенным ноутбуком и тем же безумно напряженным взглядом. Фильм про писателей Уолтера мало, вернее, не интересовал вовсе, он любил передачи про животных или о торговле недвижимостью. Осипа, однако, уважал за добросовестность, считал его чудачком, который, чем черт не шутит, может, и разбогатеет когда-нибудь.

Когда Уолтер узнал, что фильм Осипа получил на фестивале приз, он искренне порадовался за друга, привел в Оперативный центр свою ночную герлфренд, чтобы познакомить ее с известным режиссером, его русским приятелем, и угостил Осипа в пивном баре.

Уолтер даже стал подумывать, не податься ли и ему самому в киноиндустрию, поднял свои былые связи в полиции, в отделе по борьбе с особо опасными преступлениями. Предложил Осипу помощь – можно будет заснять ночные рейды, аресты наркоторговцев, мордобой, изъятие оружия, застреленных проституток и прочее, в том же духе, что так любят зрители во все времена. Себя же Уолтер видел в роли консультанта. И был очень огорчен, когда на его предложение Осип отреагировал без всякого энтузиазма. Вот чудак, кто ж отказывается от такого?!

Впрочем, вскоре ответ открылся. Уолтер зауважал Осипа еще больше, когда на пяти экранах, отключенных от гостиничных камер Оперативного центра, появилась... женщина поразительной красоты в бордовом купальнике.

* * *

– Как ее зовут? – спросил Уолтер, слегка подвинув в сторону свою левую ногу на столе. Уменьшил в рации звук, поставил ее на стол рядом со своей черной туфлей. Пиджак его был расстегнут, открывая небольшое аккуратное брюшко под светлой рубашкой и ремень, охватывающий могучую грудь, чтобы поддерживать кобуру с пистолетом.

В зале было тихо, изредка бикали рации, поставленные на подзарядку.

Экраны показывали жизнь «Мандарина»: мимо швейцаров в здание входили постояльцы – те, кто останавливался в отеле лишь на сутки, и те, кто жил там месяцами. Входили важные типы, окруженные телохранителями, входили политики, журналисты. Днем и вечером в гостинице и вокруг нее кипела жизнь.

Ночью экраны пустели, лишь изредка по коридору в свой номер плелся какой-нибудь подвыпивший турист или ресторанный поваренок выскальзывал на пожарную лестницу выпить украденную бутылку дорогого пива.

– Все-таки, как зовут эту красавицу? – снова спросил Уолтер.

– Лорен. Софи Лорен.

Глава 5

Утро. Солнце нежно золотит пляж. Через калитку забора сюда проникают, влача матерчатые сумки и зонтики, первые пляжницы – молодые мамы. Детишки бегут к воде. На вышках уже сидят парни-спасатели в ярко-красных трусах и опознавательных курточках; свистки болтаются на груди спасателей, в них еще не дули, но очень скоро эти безобидные бирюльки-свистки превратятся в иерихонские трубы.

Нежен зыбкий песок, накануне по пляжу проехала машина, разровняла берег, смела мусор. А волны океана довершили дело, слизав с покатога бережка вчера возведенные замки, крепостные валы и мосты-веточки. Лениво дышит океан, лишь мельтешат блики на его поверхности. Чайки и альбатросы застыли на темных валунах, и если бы не слабое дрожание их серых перьев и редкие писки, птиц можно было бы принять за музейные чучела, посаженные на эти камни тысячи лет назад...

Вдали на мысе видны погрузочные краны порта Red Hook, где швартуются сухогрузы и откуда выходят океанские лайнеры. Величавые плавающие города тянутся вереницей, оставляя позади небоскребы Манхэттена, мост Верразано, порт, бухту, и уходят в какую-то великую, страшную даль...

Осипу этот вид напоминал Финский залив и почему-то фотоальбомы его детства с пейзажами крайнего севера. Тоню же вид океанских лайнеров и застывших на камнях чаек, как она выражалась, просто завораживал.

Что касается Арсюши, то когда мама или папа вытягивали руку вдаль, говоря ему: «Посмотри, какой красивый корабль!», менее всего задумывался он о красоте и старался смотреть на вещи с практической

точки зрения: сначала спросил родителей, не смогут ли они ему такой корабль купить. Получив твердый отказ, а папа почему-то еще и рассмеялся, Арсюша не очень расстроился. Он уже был не так мал, догадывался, что размер такого корабля все-таки великоват для ванны в их квартире. Тогда он пожелал следующим летом отправиться на таком корабле в опасное путешествие. Он согласен взять с собой и маму, хотя она наверняка и там ограничит его доступ к компьютеру и телевизору.

Получив родительское согласие, Арсюша радостно схватил огромную надувную акулу и побежал в воду.

...Акулу нужно бросать в волну брюхом вниз, а потом наваливаться сверху на ее мягкую, податливую спину и хвататься крепко за плавник. Ногами нужно обхватывать ближе к хвосту, сжимая коленями ее черные бока. Очень важно при этом держать рот закрытым, потому что туда попадает соленуще-горькая вода. Рот, однако, раскрывается сам собой, с этим ничего не поделаешь. Но самое важное в технике плавания на акуле – не попасть под волну. Нужно только прямо и вперед, туда, к гигантским кораблям.

Акула, такая покладистая на берегу, в воде становится неуправляемой. Поначалу она вроде бы покоряется под нажимом Арсюшиных коленок, но потом начинает сильно дергаться, норовит вырваться. Плавник ее то и дело выскальзывает из рук. Арсюше стоит невероятных усилий удерживать эту вертлявую акулину.

Какое-то время он плывет верхом, а потом все-таки теряет контроль и соскальзывает с акулы. Темная волна стеной нависает над Арсюшей, мир переворачивается, солнце падает с неба, и... Папина рука умиряет разгоряченную акулу, схватив ее за нос, а другая его рука поддерживает под мышкой падающего в бездну сына.

Папа снова сажает Арсюшу на акулу. Тот, дрожа от волнения или от удовольствия, но ни в коем случае не от страха, готов к новым приключениям. Но кричит: «А-а!!!» – потому что, по правде сказать, ему страшновато, они ведь уже так удалились от берега! Папе вода – аж выше пупа! А вдруг папа его сейчас здесь оставит?.. Не переставая кричать, Арсюша обхватывает одной рукой папину шею. Акула, что ни говори, все-таки менее надежна, чем папа. И, дрожащим лягушонком, Арсюша – прыг на отцовскую грудь.

– Ну, тогда держись за меня крепко! – переместив сына на спину, Осип входит глубже в воду, плывет.

Папа – определенно не акула, с ним легче, хоть у него и нет плавников. Папа не трепыхается, не крутится, плывет ровно и спокойно. Он не скользкий, твердый, его удобно держать за волосы или за шею.

– Не дави так сильно, задушишь, – просит Осип.

Арсюша чуть разжимает кольцо рук, обхвативших папину шею. Зубы его уже клацают безостановочно, взволнованное сердечко часто стучит.

Осип слышит мелкое клацанье зубов над ухом; его сердце глубоко в груди отзывается на частые и сильные удары сердечка сына. Их удары сливаются... Осипу почему-то становится страшно от этой близости. Простая и ясная мысль, что чья-то маленькая жизнь, этот хрупкий комочек зависит от него, становится невыразимо сложной, охватить ее так сразу невозможно...

– Выходите! Он уже синий! – зовет Тоня с берега, но крик ее, скорее, угадывается во взмахах рук.

Мама не понимает и, похоже, никогда не поймет, что такое пираты. Она живет в мире постоянных перепадов температуры, резкой смены холода и жары и занята ерундой: накладывает на тело отвратительно-липкий солнцезащитный крем, отмахивается от мух, то и дело смотрит на свои руки и плечи, проверяет, ровно ли ложится загар. Пьет на пляже воду и заставляет пить Арсения. Из ее уст вылетают скучные слова: обезвоживание, перегрев, организм.

Но мама – красивая, и попа у нее тоже красивая и не такая массивная, как у мамы Томаса. Арсюша этим горд, он видит маму не только на пляже в купальнике, но и дома, когда она выходит после душа в маечке и трусиках. Недавно он был в гостях у Мойше, его мама – миссис Эстер, тоже принимала душ, и они с Мойше прильнули к дверям, пытаясь подсмотреть в щелочку, пока их не заметил и не отогнал оттуда мистер Джеффри...

Теплое мягкое полотенце окутывает промерзшее до последней косточки тело. Холод проник повсюду – в живот, грудь, пальцы и зубы. Арсюшу кладут на подстилку. Маленький комочек в полотенце, свернувшись, как улитка, лежит, подрагивая; торчат его белые, тоже дрожащие, пятки.

Арсюша – в ледяной пустыне, в ящике со льдом! Ему понадобится, наверное, сто лет, чтобы согреться. Стучат зубы. Он переохладился и обезвожился. Температурный баланс. Организм.

...Края его посиневших губ вдруг трогает улыбка. Перед его глазами возникает сцена из мультфильма, когда Бэтмен, ринувшись с крыши небоскреба, стреляет из лазерного пистолета в Супер-киборга: ба-бах! Тот превращается в огненный шар, и взрывная волна – р-рах! – сметает дома и переворачивает машины. На помощь Бэтмену прилетает Спайдермен. Нажимает кнопку, и Супер-киборг сражен. «Гуд джоб, мистер Спайдермен! Теперь мы должны уничтожить армию

кибернетических гоблинов». «Йес, сэр». Оба реактивных героя нажимают кнопки под плащами и – жш-шух! – устремляются вслед за... Арсюшей, который уже вскочил с подстилки и понесся ловить крабов.

* * *

Пляж Sea Gate – это демонстрация купальников, соломенных шляп, косынок на бедрах, солнцезащитных очков, педикюра и маникюра. Это театр жестов: саморассматривание загара на вытянутых руках, проверка своих бедер на предмет их упругости, поглаживание живота и прощупывание мышц под тонким слоем жирка, прикосновение к шее на предмет натянутости кожи, массажирование плеч в расчете... притянуть взгляд нескольких молодых загорелых спасателей на вышках, поскольку иных мужчин на пляже – утром в будние дни – практически нет. Мужья и бой-френды – работают.

Пляж Sea Gate – это бабье царство, гарем на океанском берегу. Женщины – болтливые приятельницы, благодушные компаньонки, приветливые соседки, но в то же время – и непримиримые конкурентки, ведущие бескровную войну, в которой никогда не будет победительницы, лишь постоянно растет счет убитым и раненым.

Только чайки и альбатросы кружат над берегом, роняя пронзительные крики, в которых словно слышится: «Ты пер-р-рвая! Ты кр-расавица! Ты пр-росто пр-релесть!..».

– Представляю себе, сколько купальников у этих дам! Наверное, многие из них имеют для купальников специальный шкаф, – сказал Осип, провожая взглядом одну пляжницу, битый час фланирующую туда-сюда вдоль берега. – Зимний гардероб у них, пожалуй, скудный: пара теплых курток, может, дубленка. Зимой здесь, говорят, очень ветрено и холодно – все-таки океан. Все сидят в домах, у электрокаминов и теплых батарей, греются. Кто тебя видит? Кому ты нужна? Зато летом – гуляй, душа...

– В каждой женщине живет актриса, которой нужна публика. Вам, мужчинам, не понять тот кайф, когда тебя пожирают десятки глаз. Ты буквально чувствуешь эти взгляды своей кожей... – сказала Стелла.

– Да, понять это трудно, – полушутя согласился Осип.

Они стояли на песке, у кромки воды. Набегающие волны едва касались их ног.

– И еще в каждой женщине живет проститутка. Я много об этом думала. Нет такой женщины, будь она даже самая правильная, которая

бы в глубине души не мечтала предаться самому низкому разврату, попросту говоря, не мечтала хоть бы разочек стать последней блядью. И, случись это, она испытает глубочайшее удовлетворение, насладившись собой, своим падением. Потом, правда, будет себя сильно презирать... – Стелла умолкла. – Ладно, хватит с тебя, я выдаю слишком много наших бабьих тайн. Кстати, это ничего, что мы с тобой стоим так открыто, нас вдвоем все видят? И жена твоя скоро себе шею свернет, все ходит кругами.

– Она мне доверяет, она не ревнивая, – ответил Осип, сам поразившись той легкости, с какою сейчас мысленно отдалил от себя Тоню. –

Смотри, чтобы потом у тебя не было проблем. Ой! – вдруг, ойкнув, Стелла подняла стопой вверх ногу, при этом опустив руку на плечо Осипа. – Кажется, наступила на ракушку... – вытащила из ноги и щелчком отбросила крохотный черный кусочек. – Когда же ты, наконец, покажешь мне последний видеоролик? – спросила с капризной ноткой в голосе, снимая руку с его плеча.

– Через несколько дней. Мне еще нужно с ним поработать.

– Скажи хоть, как я там получилась?

– Как всегда – неотразима.

Он мысленно увидел тот отснятый незаконченный ролик, где Стелла, в неглиже, с крыши его «Бьюика» вползает в салон машины. Машина трогается с места и несется к обрыву. Под музыку из «Кармины Бурана». Ага, вот чего там не хватает – финального кадра: смонтировать бы, как машина с обрыва летит в океан, а Стелла появляется из воды, вся объятая огнем...

– Кстати, ты никогда не рекламировала автомобили? Недавно в холл гостиницы, где я работаю, пригнали пару лимузинов «Линкольн» и девочек с длинными ногами для их рекламы, хотя они в технических свойствах машин ни черта не разбираются. Этих девочек так и называют: линкольн-герл. Могу спросить, не найдется ли там и для тебя местечка, хочешь?

– Рекламирывать «Линкольны» в отеле, наверняка, приятнее, чем за гроши убирать дома. Но, увы, я – нелегалка, без документов никакая приличная работа мне в Штатах не светит... – Стелла протянула руки перед собой и сделала ими пару движений полукругом, словно управляла автомобилем. – Я – линкольн-герл, ж-ж-ж, – и расхохоталась.

Осип покосился на нее. Отличный кадр увиделся ему: безлюдный берег, обрывы, поросшие редким кустарником. И коварный прищур ее огненных цыганских глаз! Контрабандистка! Длинная юбка и черная

футболка с короткими, нет, с длинными рукавами. Довольно ее открывать. Он оденет ее в черное, замурует с головы до пят!..

– По правде говоря, для утонченных ролей ты не совсем подходишь. Не обижайся, но ты слишком чувственная. Как и твоя любимая Софи Лорен. Это вообще не мой тип женщин. Я больше люблю тощих, на вид немножко замученных, американок типа Николь Кидман или Джулии Робертс, несмотря на буратинский нос и рот последней. Помнишь, как Джулия Робертс сыграла проститутку в фильме «Красотка»? Миллионы зрителей проливали слезы. Мой напарник в охране, бывший коп по борьбе с особо опасными преступлениями, однажды признался мне, что плакал два раза в жизни – на похоронах своей матери и когда смотрел этот фильм. Вот это, понимаю, сила искусства!

– Совершенно глупый фильм. Хотя бы потому, что проститутки никогда не спят с теми мужчинами, которых любят. Любовь для них — слишком тяжелое испытание...

– Хм-м, интересно, – он помолчал, пытаясь проникнуть в смысл услышанного. – Знаешь, я придумал для тебя другую роль.

– Какую?

– Тебе понравится. Надеюсь, в твоём гардеробе найдется длинная темная юбка и черная футболка. Вот и хорошо. Значит, сегодня вечером, в девять? Гарантирую, мы сделаем потрясный клип: «Кармен», музыка Бизе, плюс немножко «Роллинг Стоунз». Как тебе, а? – он задорно щелкнул пальцами, предвкушая съемку.

– Оке-эй! Сегодня в девять! – Стелла внезапно обхватила его голову и, прижав к себе, поцеловала в волосы. Она-то думала, что съемки закончены, что это баловство Осипу надоело. Нет же! Съемка продолжается! Три, два, один, action!..

Ни слова не говоря, быстро пошла прочь. Случайно или нет, нагнала Тоню, которая шла вдоль кромки воды, уже не глядя больше на мужа после стольких попыток отвлечь его от этой пляжной красотки. Поравнявшись с ней, Стелла начала вдруг размахивать руками, видимо, что-то говорила Тоне, но до Осипа не долетало ни звука.

Он смотрел вслед двум этим женщинам и невольно сравнивал их фигуры, походку, прически. Он чувствовал, как сильно и часто начинает биться его сердце, когда его взгляд скользит по Стелле. ...Она шла походкой профессиональной стриптизерши манхэттенских стриптиз-клубов, где ее лапали тысячи потных, липких мужских рук, где в полумраке грохочущих залов она вертелась и елозила, голая, на мужских коленях, исполняя лэп-дэнс, уходила с мужчинами в «приватную комнату с шампанским»... Осип ни на миг не сомневался в

том, что вся она, до последней нитки, соткана из фальши, фальши и притворства.

Но Тоня, его Тоня, строгая и чистая, рядом с этой насквозь лживой стриптизершей казалась ему сейчас блеклой, безликой. Даже Тонина шея, ее лебяжья шея, придающая ее стану гибкость и необычайную нежность, виделась сейчас длинной и кривой, как вопросительный знак. Он даже представил, как к старости эта шея согнется под тяжестью прожитых лет, с хроническим остеопорозом и защемлением шейных позвонков...

Его пальцы непроизвольно зашевелились, словно искали кнопку фотоаппарата. Почему-то ему захотелось увековечить эту сцену – две грации на берегу.

«Э-э... Все это чепуха! Побалуюсь со Стеллой еще немного, а потом – за работу. Не забыть позвонить продюсеру, поговорить с ним о новом фильме». Он побежал в набегающие волны, и когда вода достигла груди, нырнул.

* * *

Крабов хорошо ловить с раннего утра, когда они голодны, прожорливы, а потому чрезвычайно активны. Да вот беда, с утра – отлив, поэтому гряда камней, под которыми обычно шныряют черные и серые в крапинку крабы, вся на суше. Внизу валуны покрыты мелкими ракушками. Сейчас, подсохнув на солнце, они издают тухловатый запах.

Но постепенно, в силу сложного взаимодействия Солнца и Луны с океаном, Великий океан возвращает земле свои холодные воды. И вот уже волны, подбираясь все ближе, подрывают песчаные замки и башни, рушат крепостные валы. Предусмотрительные мамыши оттаскивают подстилки подальше от подступающей воды; спасатели на вышках уже реже болтают между собой, чаще свистят и машут руками заплывающим слишком далеко. А к темным валунам тянутся отважные ловцы крабов...

Арсюша, разумеется, среди них. С ними – и Томас. Том учится с Арсюшей в одной школе, в параллельном классе, но живет он здесь, в Sea Gate. В школе они приятелями не были, но в Sea Gate сошлись поближе. Том может долго и быстро бегать, умеет нырять и прыгать с песчаного обрыва. И, надо сказать, Арсюша чувствует это превосходство Томаса, завидует ему и хочет быть таким же смелым и ловким. Единственное, что Арсения немного смущает – вспышки злости и жестокость, с какой Том порой душит мальков и отрывает

крабам клешни. А если ему что-то не нравится, он может страшно рассердиться и полезть в драку.

«У Томаса нет отца, поэтому он такой неуправляемый, по сути, несчастный ребенок», – эту фразу Арсений как-то услышал в разговоре родителей, и потом над ней размышлял, пытаясь найти связь между «несчастливым ребенком» и «нет отца». Связи никакой, надо сказать, не обнаружил: у Томаса-несчастливого игрушек гораздо больше, чем у Арсюши, и мама ему разрешает очень многое. Интересно, подглядывает ли Томас за своей мамой, когда она принимает душ?..

Иногда к их команде краболовов присоединяется и Мойше – миссис Эстер и мистер Джеффри стали разрешать Мойше ходить на пляж с соседями. Мойше даже у воды не снимает ермолку, еще и одет в спортивные, до колен, рейтузы и футболку. Мама объяснила, что Бог так велит иудеям. Строгий, однако, Бог у Мойше, еще строже Бога в церкви.

Если уж речь о Богах, то и Бог в церкви тоже не отличается мягкостью. Иначе, почему Арсюша по воскресеньям должен там томиться все утро под заунывное пение совершенно непонятных слов: «отчинаш, всинебесих, вситя имя твое...»? Да еще когда мама то и дело одергивает: «Ты что, не можешь постоять спокойно пять минут?!» Пять минут! Как понять, что такое пять минут?! Это когда наступит вечер, и тебя погонят спать? Э-эх, просто беда с этими Богами. Арсюша искренне сочувствует Мойше, потому что тот из-за Бога должен ходить по пляжу одетый.

Еще Мойше – «несчастный», это тоже сказано о Мойше мамой в разговоре с отцом. Правда, почему такие совершенно разные – Томас и Мойше – одинаково «несчастливые», непонятно.

Мойше – пугливый, робкий. С обрыва прыгать не умеет, стоит внизу и смотрит, как Томас с Арсением и другими ребятами отважно прыгают и перекатываются по песку. Бегают Мойше медленно, хоть и старается, но никогда и близко не угонится за остальными. Нырять он вовсе не умеет, заходит в воду по колени и растерянно озирается по сторонам, будто ждет чего-то, то ли аплодисментов, то ли насмешек. Что уж говорить о ловле крабов, где нужна сноровка и смелость?

...Ты идешь в прозрачной воде, едва-едва замутненной песком. Скользкие лентообразные водоросли цепляются за ноги. Сонмы застывших чаек и альбатросов напряженно следят за этими двуногими существами, часто восклицаящими: «Крэб! Крэб!».

Вот по дну, взрывая песок всеми шестью лапками, бежит серый краб. Он появляется неожиданно, из расселины между камнями, где долго прятался в темной прохладе. Краб бежит к водорослям, в бахrome

которых обильная пожива планктона. «Крэб! Крэб!» – кричит Томас, вонзает руку в воду и выдергивает краба. Тот отчаянно шевелит в воздухе клешнями. Стайка перепуганных мальков шарается в сторону, блеснув чешуей.

«Крэб! Крэб!» – Арсюша наклоняется к самой воде, вглядывается – что-то темное как будто шевелится у камня, то ли тень, то ли гнилая палка.

Напряженно глядят неподвижные чайки на этих двуногих существ, которые порою взбираются на камни, влезают в щели между валунами. Иногда существа подбираются так близко, что птицы, издав возмущенный крик, срываются с места и перелетают на другие камни. «Крэб! Крэб!» – это Мойше, он тоже цапнул одного маленького крабика и выбежал с ним на сушу. Набрал в половинку большой ракушки воды и выпустил крабика туда.

У Мойше нет переносного пластикового аквариума на веревочке, как у Томаса, Арсения и других ребят. Мама обещает купить. У него нет ни летающих змей в окраске Спайдерменов, ни надувных акул. Но сейчас он безумно счастлив – он сам поймал замечательного краба, с такими подвижными клешнями и длинными усами, смотри, как шустро бегаёт по дну ракушки.

Мойше, конечно, его выпустит обратно в океан, ведь там, под камнями, его ждут мама, папа, сестра Пэм и любимая собака Джилл. Разве можно человеку, если он даже и краб, жить в чужом месте, с чужими людьми?..

В Денвере они несколько раз всей семьей ездили в Скалистые горы на отдых в кемпинг, купались в горной речушке. Крабов там не было. Мойше поправляет на голове ермолку, приколотую к волосам. Надо сказать, ермолка чертовски ему надоела, но дядя Джеффри и мама запрещают ее снимать под страхом Божьего наказания. Живя в Денвере, он ходил без шапки и в холода, и никому, даже Богу, не было до этого дела.

Мокрая одежда Мойше, с прилипшим к ней песком, стала тяжелой. С кончиков пейсов капает вода. «Крэб! Крэб!» – доносятся до Мойше крики. Он собрался, было, выпустить краба, но вдруг словно очнулся – что же тогда он покажет ребятам? Они ведь тогда снова будут его дразнить, мол, такой дурачок и трус, не смог поймать ни одного краба! ...И вот, в финальной сцене, – настоящая оргия. Ноги и руки краболовов расцарапаны и в красных пятнах – от случайных ударов о камни, от неудачных сползаний с валунов, от колючих водорослей. Губы – уже даже не синие. В глазах – только перебегающие по дну тени. В ушах – «Крэб! Крэб!» В пластиковых аквариумах, вползая друг

на дружку, пытаются выбраться на волю и избежать жестокой участи пойманные крабы.

Но от судеб спасенья нет! Сорвавшись с валунов, чайки устремляются к берегу. Те одиночки, что носились в океане над водой в поисках рыбы, меняют курс и несутся к своим собратьям на берегу. Пожива! Крэб! Сейчас эти странные двуногие существа будут швырять крабов в воздух. Сейчас понадобятся моментальная реакция, сила крыльев для отталкивания противника, удар клюва, прыжок и всепожирающая любовь к этому изумительно белому, нежному мяску, спрятанному под панцирем.

И вот, крутясь, в воздух полетели первые. Захрустели панцири под ударами твердых клювов. «Кр-рэб! Кр-рэб!» – пищат ненасытные чайки, готовые заклевать любого, кто попытается помешать их трапезе. На песке, как на поле сражения, валяются оторванные клешни и расколотые панцири. Кр-рэб! Кр-рэб!..

Глава 6

Тихо в зале Оперативного центра охраны гостиницы «Мандарин». Изредка бикают стоящие на подзарядке батареи рации. Монотонный гул горящих люминесцентных ламп под потолком нагоняет зевоту. Поперек зала – длинный стол, на котором огромная панель управления с кнопками и рычажками.

Сзади, собственно, ничего интересного: вешалка, на которой висят несколько черных пиджаков униформы, галстуки да ряд пустых серебрястых вешалок.

В одном углу – хромированный сейф с оружием. Сейф закрыт. Дабы избежать попадания оружия в нехорошие, нечистые руки, на дверце установлен замок с секретным кодом, еще и приемник для электронных пропусков. Оно, разумеется, правильно – меры безопасности.

Впрочем, шансов, чтобы хоть один из пистолетов или даже один патрон попал не в те руки, абсолютно, повторяю, абсолютно никаких нет. Пропуска с ограниченным электронным допуском в зал Оперативного центра, в это святая-святых охраны, имеют лишь оперативные дежурные, начальник охраны и его зам. Обычные рядовые охранники, эти чугунные лбы в униформе, даже они не могут сюда войти; их заводят лишь изредка – в офис начальника, и только по делу, скажем, обсудить график дежурств или сообщить об их увольнении.

Ах да, забыл про двери в это охранное логово: две двери, разделенные крохотным коридором. Разумеется, все тоже закодировано, с электронными ленточками, секретными замками и т. д.

Но довольно о технике Оперативного центра, интерес представляет не она, во всяком случае, не для Осипа, сидящего спиной и к вешалке, и к сейфу с оружием, и к дверям.

Пять огромных экранов, отключенных от видеокамер внутреннего и внешнего обзора гостиницы, отданы одной-единственной женщине, к гостинице «Мандарин» не имевшей ни малейшего отношения. Каждый из пяти экранов может дробиться на четыре, восемь и шестнадцать частей, тем самым умножая Стеллу, если не ошибаюсь в подсчетах, на восемьдесят.

Стелла на этих экранах то вырастала, то уменьшалась, то становилась почти прозрачной. С ее лицом также происходили метаморфозы: оно укрупнялось до того, что на щеках были различимы даже розовые пятнышки едва проступивших прыщиков, то взрывалось, как петарда, разлетаясь горящими брызгами в виде кусков носа, глаз и ушей.

Осип нажимал кнопки на принесенном из дому ноутбуке, монтируя ранее записанный видеоматериал.

Зачем он снимал эти кадры? Зачем ходил с фотоаппаратом и видеокамерой на безлюдный пляж, к Стелле домой и с ней по всему Нью-Йорку? Что он намеревался делать с этими роликами? Нельзя же такую, по сути, видео-чепуху представлять на фестиваль. Даже предложить это солидной фирме по интертейменту – тоже вряд ли. Кому нужны эти пусть мастерски отснятые и смонтированные сцены с красивой, полной шарма, но совершенно неизвестной женщиной?

В качестве самооправдания и хоть какого-то рационального объяснения, Осип приводил следующие доводы: «Это мой творческий брейк. Я ведь не дробильно-выгребная машина, чтобы постоянно творить. Нужна пауза. «Призраки Бруклин Хайтс» стоили мне слишком дорого, я едва не тронулся рассудком, когда однажды на улице умолял какую-то пару дать мне автограф, приняв их за Артура Миллера и Мэрилин Монро. Хорошо, что рядом был Ник, молодчага Ник, при всех своих сумасшедших перевоплощениях и лицедействе ни на миг не терявший чувства реальности. Что же касается Стеллы, то... флирт – обычное явление в артистической среде. Но запретную черту переходить вовсе не обязательно».

А Стелла была потрясающе телегенична! Все ее мелкие внешние диспропорции, которые мог бы разглядеть только взыскательный эстет, скажем, широковатые бедра или слабо очерченный рисунок губ, на экране приобретали силу достоинств.

В жизни, стоя рядом с Осипом и прикуривая сигарету, Стелла казалась обычной женщиной, даже несколько вульгарной, каковой, по сути, и являлась. На экране же эта вульгарность совершенно исчезала. На экране появлялась не баба, вышедшая из стриптиз-клуба, а дама, полная страстной истомы, с оттенком трагического надлома.

Нужно отдать должное не только экрану и техническим свойствам объективов, кстати, жутко дорогим, одни только широкоугольники и длиннофокусники обошлись Осипу в его две зарплаты.

Отдадим должное и Стелле, этой злой чародейке. Завидя нацеленный на нее объектив и напряженные пальцы Осипа на кнопке, Стелла вмиг преображалась. Ее грязная жизнь с мрачным прошлым – воровством, насилием, наркоманией, арестами – бездыханным трупом падала к ее ногам, а в объектив входила другая Стелла: чистая и светлая, какой была давным-давно, в отрочестве и ранней юности, когда мечтала стать артисткой...

Она смотрела по-собачьи, даже лицо ее как-то по-собачьи преданно вытягивалось вперед, чтобы по малейшему движению хозяина, одному шевелению его брови уловить то, чего он хочет. «Аппорт! Сидеть! Взять! Фас!» И Стелла брала. Она брала высоты, которые ей позволяли врожденные способности актрисы, азарт и внешняя красота при отсутствии специального образования.

Она быстро изучила Осипа, нацеливая на него объектив своей женской интуиции и опыта. Она уже знала, что означают его полузакрытые во время или после съемки глаза, потягивание носом, вытянутые дудочкой губы. Когда Осип сильно нервничал, недовольный отснятым, Стелла подходила к нему и шутя прикладывала к его губам свою ладошку, мол, помолчи немного, успокойся. Это вызывало у него прилив нежности и сильного желания.

В конце концов Осипа так закружило и понесло, что он уже мысленно согласился с тем, что переспит со Стеллой. Разумеется, она легко ему отдастся, считал он, тем более, что была с ним крайне раскованна и казалась абсолютно доступной. Да, супружеская верность будет нарушена. Но в серьезные отношения с ней он вступать не станет. Только флирт, съемки и секс. Это никак не отразится ни на его семейной жизни, ни на его творчестве.

...Он обнимал ее, положив руки на ее талию, пытался прижать к себе, упираясь набухшим в брюках членом к ее бедрам в юбке или, в зависимости от сцены, в трусиках. Но почему-то всякий раз Стелла выскользывала из его рук, как та змейка, оставляя ему сброшенной чешуей неудовлетворенное желание. И флирт, и съемки продолжались,

переплетаясь, спутываясь узлами, и снова развязываясь, с обидами Осипа, с нотками злости в его голосе, с минутами сердитого молчания. Сначала он снимал ее в Sea Gate, на безлюдном вечернем пляже. Вот – Стелла на мелководье, в бикини, плещется, как русалка, – обычная рекламная заставка TV подписываться на порноканал. А вот она на спасательной вышке: в оранжевом жилете, топлес, со свистком и в шляпе – ну, это на обложку журнала «Максим» или «Спорт Иллюстратор».

А вот кое-то поинтересней: Бруклинский ботанический сад, цветение роз и орхидей. Стелла в светлом сарафане. Пунцовые и черные розы свисают с арочных декоративных входов, как в сказочном замке. Повсюду стреляют струйки фонтанов, и Стелла, цветочной феей, летит по анфиладе роз...

Внимание: на экране появляются звери – дикие кошки, медведи-гризли, тигры Бронкского зоопарка! Стелла дразнит обезьян в открытом питомнике; подняв кверху руки, рычит на тигра, вынырнувшего из густого кустарника и одним прыжком очутившегося у заградительного стекла.

Вот они оба, Стелла и Осип, садятся в подъехавшую кабинку передвижной канатной дороги зоопарка. Стелла проходит вперед в кабинку, Осип отдает билеты разморенному жарой билетеру, тоже входит в кабинку и запирает дверцу.

Плавнo покачиваясь, кабинка плывет над землей. Поднимается все выше, над кронами деревьев. Внизу широкие дороги сужаются, превращаясь в тонкие жилки в этом бушующем море зелени.

– Смотри! Смотри!

В кустарнике прячется тигр, а во-он – озера со стаями уток. Осип держит камеру, стараясь не терять ракурс и держать Стеллу в объективе, что непросто – кабинка раскачивается от ветра и от толчков Стеллиных ног.

Ее охватывает детский восторг! Так хорошо ей уже давно не было, даже от кокаина.

– Смотри! Смотри! О-бал-деть! – указывает она рукой куда-то и открывает дверцу кабины.

Осип несколько озадачен – может закончиться штрафом. В кабине перед ними – женщина с детьми, недоуменно таращит глаза на это безобразие. Осип наводит на нее камеру, чтобы она отвернулась.

– Да смотри же ты, чурбан! – Стелла высовывает голову из кабинки. – Ва-ва-ва! – прикладывая ладонь к раскрытому рту, орет, как дикарка.

Осип направляет объектив вниз, где в густой высокой траве бегут орутанги. Мелькают их волосатые темные спины. Осип берет

общим планом, потом старается выхватить детали: трава, лапы, мохнатые головы.

–Ва-ва-ва! – Стелла не унимается. Она стоит к нему задом, выгнувшись; из кармана шорт-хаки выглядывает угол пачки сигарет.

Осип опускает камеру. Смотрит на свои руки, которые... на глазах покрываются жесткой шерстью, на свои крупные, загнутые концами внутрь когти! Прыгает в траву и, отталкиваясь от земли мощными лапами, бежит за ней вместе с другими самцами.

Впереди – несколько самок, но он выбрал ее, ее одну. В траве мелькает ее розовый крепкий зад, обрамленный шерстью, ее голова втянута в плечи.

Она озирается и продолжает бег. Сверху протянута подвесная канатная дорога, в кабинках, что плывут в небе, сидят ее сестры – с детенышами, но без шерсти и без хвостов. Она слышит, как сзади, уже совсем близко, шелестит трава, как под тяжестью его тела и ударов лап хрустят поломанные ветки. Она слышит его частое горячее дыхание. Всё, она сдаётся – делает несколько сильных прыжков в сторону, туда, где мягче трава...

– Ты что, совсем спятил?! – Стелла отталкивает Осипа, поправляет на себе шорты, которые он пытался расстегнуть. – Здесь этим заниматься нельзя. Здесь же вокруг звери!

Он с мрачным видом накрывает объектив крышечкой.

* * *

– Ну и дела! – Уолтер, переводя дух, принял любимую позу – с ногами на столе.

Бросил озабоченный взгляд на свои туфли. Да, дела неважные: кожаный кант стерт, носок смят, форма, придающая мужской обуви определенную молодцеватость, утрачена. А изношенные туфли у оптимиста Уолтера всегда вызывали нехорошие эмоции, в изношенных туфлях сквозила осенняя безнадега. Словом, пора покупать новые.

Он приспустил узел галстука и освободил от верхней пуговички рубашки плотную шею.

В зале было прохладно, кондиционеры нагоняли холодный воздух. Но жарко было на улице, где днем разогретый до ста градусов по Фаренгейту асфальт медленно остывал к ночи, отдавая весь свой жар воздуху. Клубами воздух поднимался вдоль стен небоскребов, тоже еще теплых, почти горячих.

И вот, час назад по такому пеклу Уолтеру пришлось бежать, протискиваясь между лимузинов, полицейских машин и тысяч туристов.

А бежал Уолтер на свой пост, в Оперативный центр, бежал из квартиры своей подружки Лизы, потому что ему на мобильник позвонил коллега, великий русский режиссер Джозеф, и сообщил, что в гостиничном баре, в знаменитой «Французской Прачечной», началась драка: несколько пьяных мужиков сцепились из-за какой-то женщины, бьют посуду и переворачивают столы. Осип, разумеется, вызвал полицию. Копы придут с минуты на минуту, но все-таки лучше, чтоб Уолтер был на рабочем месте. Вырванный из постели Лизы, Уолтер живенько натянул штаны и рубашку, пристегнул ремень с кобурой и пистолетом, а пиджак уже надевал на бегу.

На месте происшествия делать Уолтеру уже было нечего, к его прибытию полицейские и вооруженный андеркавер (переодетый агент из внутренней охраны) вывели из бара нарушителей: троих пьяных мужчин. Двое вели себя смирно, не огрызались и были отпущены. Третий же оказался то ли более пьян, то ли более глуп, ругал копов на чем свет стоит, размахивал руками, желая продолжения банкета, и получил его, очутившись в полицейской машине на заднем сиденье в наручниках.

Уолтер, подоспевший к финальной части, помог захлопнуть дверцу полицейской машины, где сидел буян, и недолго поболтал с бывшими коллегами-копами о всякой всячине, не забыв, как положено, записать их имена и номерные знаки.

Вид он имел строгий и одновременно добродушный, радуясь тому, что, в принципе, ничего серьезного не случилось и его отсутствие на посту прошло незамеченным. Хотя немного досадовал, что его стащили с Лизы. Поднявшись в Оперативный центр, поблагодарил Осипа за сигнал, бодренько сел к столу, написал в журнале короткий рапорт о происшествии, где иному писателю понадобилось бы, наверное, десять долгих страниц, а по-чеховски лаконичному Уолтеру – три скупые строчки. Из-за чего, вернее, из-за кого случилась драка, было неизвестно: таинственную незнакомку вынесло из «Французской Прачечной» в неизвестном направлении мутным ручейком, поэтому в своем рапорте Уолтер обозначил ее как «якобы проститутка номер Один».

Теперь, когда инцидент, можно сказать, был исчерпан, и в «Мандарине» снова воцарились тишь да гладь, и бар снова открыли для ночных посетителей, Уолтер мог расслабиться. Правда, перед этим он распорядился усилить пост, специально послав к бару охранника, и

попросил подключить к видеокамерам «Французской Прачечной» дополнительный экран, что Осип незамедлительно исполнил.

Следует заметить, что «Мандарин» охранялся двумя службами: официальной и тайной. В официальную, кроме начальника, входила группа дежурных смен, операторы и безграмотные, ленивые security, призванные, скорее, создавать впечатление бдительной охраны. В ночную смену команда охранников сокращалась вдвое.

Разумеется, реальную безопасность сложного гостиничного механизма такая команда обеспечить не могла. Подлинную безопасность обеспечивала внутренняя вооруженная служба охраны, о которой мало кто знал. Она включала дюжину бывших полицейских и военных: подобно «андеркавер», в обычных темных костюмах, плечистые и почти без шей, они появлялись в горячих точках отеля, всегда неожиданно и всегда своевременно.

Только этим, и ничем другим, объяснялась беспечность Уолтера, постоянно курсирующего во время своих ночных дежурств от будуара своей герлфренд к пультам наблюдения и обратно. Уолтер отлично знал, что в этой системе его роль – вторая, почти бесполезная.

* * *

...Третий час ночи, впереди еще почти шесть часов дежурства. Шесть долгих часов тупого глядения на экраны.

– Мэн, у меня для тебя есть интересное предложение, – говорит Уолтер, вытирая шею влажной ароматизированной салфеткой.

Что ни говори, это маленькое ночное приключение вынудило Уолтера попотеть в буквальном смысле слова. Совершить двадцатиминутную пробежку по Манхэттену, от будуара прекрасной Лизы до оцепленного полицией гостиничного бара! Потом еще корпеть над рапортом, что всегда давалось Уолтеру с невероятным трудом.

Надо признаться, ранний выход на заслуженную пенсию при всех финансовых преимуществах имеет и негативные побочные эффекты, такие как: увеличение доз выпиваемого пива, добавочные порции свиных стейков, ослабление подвижности и, как следствие, лишний вес... И еще эта проклятая потливость, а запах пота Уолтер терпеть не мог...

Он бросил скомканную салфетку в урну и, довольный попаданием, продолжал:

– Мой бывший шеф купил себе дом в Нью-Джерси. Роскошная вилла, с террасами, садом и бассейном. Обошлась ему в полтора миллиона, но он смог взять в банке кредит под хороший процент.

– А какое отношение имею я к вилле твоего бывшего босса? – Осип полез в карман брюк, достал оттуда крохотную пластиковую бутылочку с острым белым носиком. Закрыв глаза.

Горят глаза, горят после долго всматривания в экраны. Словно горячий песок занесло на роговицу. И зрение, похоже, падает – постоянно приходится щурить то правый, то левый глаз. Имеет смысл на время вообще перестать заниматься монтажом клипов – в клипах слишком много склеек.

Подняв лицо и над ним руку с бутылочкой, Осип оттянул веко и легонько сдавил пальцами податливый пластик. Из белого носика капнула в глаз спасительная капля.

– Причем здесь ты? Объясняю: шеф хочет, чтобы ты отснял и его виллу, и, разумеется, его самого. Бассейн, сад, рядом с виллой – поле для гольфа и озеро с лебедями. Он хорошо заплатит, – продолжал Уолтер, расстегивая кобуру слева на груди и вынимая пистолет. – А еще, помимо денег, ты заведешь очень полезное знакомство с шефом отдела нью-йоркской полиции по борьбе с особо опасными преступлениями. Такими знакомствами, приятель, не разбрасываются. Джозеф, не будь зазнайкой, ближе к реальности! – завершил Уолтер любимой фразой, выражавшей его жизненное кредо. Поднявшись, направился к сейфу.

Осип сидел, наклонив голову и зажмурил глаза, откуда выбегали и катились по щекам тонкие ручейки, он называл их «мои слезки». Слышал, как за спиной что-то брякнуло, затем глухо захлопнулась металлическая дверца оружейного сейфа.

– О`кей, я подумаю, – ответил Осип, раскрывая глаза. Перед ним – те же экраны, но изображение уже с резкостью, с контрастом. И глаза уже не печет.

– Или ты ждешь предложения из Голливуда? Чудак, знаешь, сколько таких, как ты, мечтают о Голливуде? – продолжал Уолтер, который, следует заметить, не имел ни малейшего понятия о жизни артистов или режиссеров, разве что по обложкам желтых журналов. – Вот ты снял фильм, так? Получил бабки и позолоченную фигурку, так? И что дальше? Ну, поставил фигурку на полку, ну, показали тебя разок-другой по телевизору, ну, в газете что-то там тиснули. И что дальше? – допытывался Уолтер, пытаясь приподнять этот чугунный для него занавес и проникнуть за кулисы искусства.

– Дальше – ничего, – Осип пожал плечами. На Уолтера он не сердился, понимал, что с некоторыми людьми разговоры об искусстве вести не следует, это даже неприлично.

А и впрямь, что изменилось в его жизни после успеха на фестивале? Кажется, все это было еще вчера: во время показа его картины он напряженно считал, сколько зрителей покинуло зал. Ожидал-то, что выйдет почти ползала. Но вышли четыре зрителя! Потом он произнес со сцены короткий спич, отвечал на вопросы зрителей. Когда в списке победителей назвали его имя, Осип почему-то даже не удивился. Лишь после вручения приза, когда возвращались в машине домой, он вдруг сбавил скорость и вытер набежавшие слезы...

Телефон в те дни звонил, не умолкая, электронный «ящик» даже не хотелось открывать – столько там было поздравлений! Он уже был готов проснуться знаменитым. Но... где же конкретные предложения и выгодные контракты? Пару раз какие-то мелкие агентства предложили ему снять 15-ти минутные рекламные фильмы, толком не выделяя на это ни средств, ни времени. От такой халтуры Осип отказался.

Несмотря на ворох хвалебных рецензий, его фильм для проката пока никто не купил. Продюсеры ведут переговоры с дистрибьюторами об ограниченном прокате картины в США и Канаде. Вроде бы собираются пригласить на фестиваль игрового кино в Лондоне. Заинтересовались в России. Пока все. Короткий звон литавр перед гробовой тишиной.

Механизм киноиндустрии, как известно, весьма громоздкий и запутанный. Для новичка-Осипа было совершенно непонятно, какие колесики и шестеренки взаимодействуют, приводя этот механизм в движение. Но уже было очевидно: для того, чтобы стать звездой, одного успешного дебюта недостаточно.

Фильм «Призраки Бруклин Хайтс», во время съемок казавшийся Осипу шедевром, теперь как-то поблек, потерял свою призовую золотистость, уже зиял огрехами и виделся ему рядовым фильмом, который скоро забудут, если уже не забыли.

Нужно теревить продюсеров, связываться с новыми агентствами, совать им всем под нос свою призовую статуэтку, звонить Нику, унижаться, предлагать новый сценарий...

Да, кстати, немаловажный вопрос – о чем будет его новый фильм? Долгое время он вынашивал художественный замысел – снять картину о детях, больных раком на последней стадии. Когда-то работая санитаром в хосписе, Осип познакомился с некоторыми из них и их родителями. Эти дети еще не знали, что такое смерть, но как будто понимали, что из хосписа уже никогда не выйдут, поэтому как-то не по-детски ценили каждую минуту жизни...

Но сценарий до сих пор так и не написан. Пока хочется снимать только Стеллу...

– Смотри, к старому хрычу из 218 номера опять идут две шлюхи. Ну-ка увеличь, – распорядился Уолтер, указывая на один из экранов.

Щелчок – и две вытянутые фигуры девушек возникли в полный рост. Вид спереди: белые волосы, коротенькие платица, туфли, по-видимому, на очень высоких каблуках, потому что походка у девушек шаткая, идут как на ходулях. Подходят к двери номера 218, стучат и через минуту скрываются в том номере.

– Знаешь, что в сумочках этих красавиц? Думаешь, презервативы и хлысты с наручниками? Нет, там самый чистый, самый свежий колумбийский кокаин. Наверное... – Уолтер сощурил один глаз, будто мысленно проникая в сумочки пришедших дам. – Грамм пять, не меньше. Интересно, сколько они сегодня вытрясут из этого старого пердуна?

Что ни говори, Уолтер – профи: сидит, болтает о всякой чепухе, а замечает каждую мелочь.

– Знаешь, как они называют кокаин? Шампанское, – продолжал Уолтер. – Звонят в свое секс-бюро и говорят боссу, мол, клиент из такого-то номера хочет еще шампанского, три бутылки. Это значит, три грамма кока. И босс посылает клиенту машину с «шампанским», по самой высокой цене. Но Осип его уже не слушал. Почему-то сопел, нервно перебирая пальцами по кнопкам.

Уолтер покосился на коллегу. Взглянул на экраны, и этого беглого взгляда ему было достаточно, чтобы убедиться – в отеле полный порядок.

– Извини, мне надо ненадолго выйти, – Осип поднялся и, стараясь сохранять внешнее спокойствие, направился к дверям.

К тем самым замечательным дверям, что имеют секретные коды и электронные замки. Двери эти не чинили ему ни малейшего сопротивления, открылись легко, и через секунду Осип уже несся к лифту, сжимая рацию в руке.

Выскочив из лифта, побежал по коридору. Но сообразив, что промахнулся этажом, бросился к двери пожарного выхода.

На лестничной клетке, на ступеньках, спал молодой негр в униформе охранника, прислонившись спиной к стене. Возле него на полу лежала развернутая газета. Охранник открыл глаза, бормоча извинения, стал было подниматься – решил, что перед ним новый начальник. Но этот странный господин с дикими глазами и рацией в руке, ни слова не говоря, вдруг умчался по лестнице вниз.

– Стелла! – крикнул Осип, догоняя пару, идущую по коридору мимо огромных ваз с цветами.

Мужчина и женщина остановились.

– Ой!.. Сорри, сорри... – Осип попятился.

Мужчина – миниатюрный японец в костюме. Девушка рядом с ним – с красивым лицом в ореоле распущенных каштановых волос, в декольтированном платье. Очень похожа на Стеллу.

Сконфузившись, все недолго пялились друг на друга.

– О`кей, о`кей. Пикчер, фото, – залепетал благодушный японец.

Протянул свой iPhone Осипу, миниатюрной ручкой обнял подружку за талию и уставился в объектив. Потом полез в карман за деньгами.

* * *

Легко и беззаботно, словно после освежающей прогулки, Осип вернулся в Оперативный центр:

– Представляешь, выхожу сейчас из туалета, а там какой-то японец с девкой, попросил меня их сфотографировать. За минуту фотосъемки отвалил мне пятьдесят баксов! Расценки Стивена Спилберга.

– У тебя, приятель, на деньги чутье, – отозвался Уолтер.

Уолтера уже одолевала дремота. Он склонил голову с густыми черными, зачесанными назад, волосами, упер подбородок в грудь. Профессионал, Уолтер мог спать в любом месте, и никакой шум, хоть пушечная канонада, не могли его разбудить.

Он никогда не храпел, воздух тихо и мерно проходил через ноздри его утинового носа в мощные легкие и выходил обратно чистыми струями. Губы были сомкнуты, ровные тонкие губы, которые во время бодрствования были очень подвижны, как, впрочем, и его темно-карие глаза, ни на миг не прекращавшие наблюдения за всем вокруг. Широкогрудый, дремлющий, со склоненной головой и вздымающимися плечами, напоминал древних исполинов времен битв римлян с кельтскими племенами...

Сон его, правда, в ту летнюю ночь длился недолго. Разбуженный странной силой, Уолтер раскрыл глаза и не сразу поверил, что проснулся. Будь он русским, ущипнул бы себя за ляжку, но он был из ирландцев, поэтому суеверно дернул себя за ухо.

– Как ее зовут?! Джозеф, как ее зовут?! О-о, мэ-эн!.. – застонал Уолтер. Расстегнул еще пару пуговиц рубашки и стал чесать свою грудь: – Джи-исус Крайст!..

На огромном, во всю стену экранном панно сменялись кадры с обворожительно красивой, загорелой женщиной в белых кружевных трусиках и в таком же ослепительно белом лифчике. Женщина валялась на широкой кровати, ползала змеей, становилась на колени и,

хищно выпятив нижнюю челюсть, с кровавым ртом, ползла вперед; потом, обессиленная, падала на спину, томно вытягивая зовущие к себе руки...

Единый огромный экран вдруг разбился на десятки маленьких, и в каждом из них появлялся Осип – крохотный, как лилипут. Лилипуты-Осипы бегали из угла в угол, словно пытаюсь найти выход из этих стеклянных коробок. Неожиданно в экранах вспыхивала спичка. Пламя разгоралось, бушевало, яростно билось о стены. И когда глазам уже становилось больно, пламя гасло, из головки потухшей спички вылетал дымок, и из струек дыма снова возникала полуголая Стелла...

– О-о, мэ-э, это лучше любого порнофильма! Это даже лучше стриптиз-клуба! – Уолтер не скупился на похвалы. Бисером пота покрылся его лоб, шея тоже матово блестела. – Познакомь меня с ней!

Осип продолжал нажимать кнопки своего ноутбука, не отрывая глаз от экранов. Вот что-то ему не понравилось, он нажал кнопку, и Стелла застыла – крупным планом – с безобразно раскрытым ртом.

...Здесь, да, кажется, на этом кадре, он решил, что сегодня, наконец, она отдастся ему. Да, так суждено, думал он, именно здесь, и именно сейчас – в его квартире, на кровати, которую он двенадцать лет делил с Тоней, и больше никогда ни с кем. В тот миг он окончательно поверил, что встреча со Стеллой – не случайна, что его будущее, его жизнь отныне каким-то образом зависят от нее, что в этом не его воля, а так устроено свыше, и сопротивляться судьбе он не будет.

Тони и Арсения в тот миг, разумеется, не существовало. Они были в Sea Gate. Но их фотографии висели в квартире на каждой стене.

Осип почти механически продолжал менять объективы, направлял свет лампы, подсказывал Стелле, что выбрать из того огромного ящика с одеждой, оставшейся у него в доме после съемок «Призраки Бруклин Хайтс», которую из своего театра когда-то таскал неутомимый Ник.

...Она вырвалась из его рук и, больно царапнув его шею, отползла по полу. Сидела молча в углу, впившись в него взглядом испуганных глаз, жирно обведенных карандашом.

– Не надо. Я прошу тебя... – промолвила, кутаясь, словно от холода, в красную пелерину, подтянув ноги к животу.

– Перестань! Ты же опять играешь, опять корчишь из себя Софи Лорен! – он сделал шаг к ней. – Чего ты боишься? Давай... – хотел присесть и обнять ее, но почувал нутром, что эта кошка сейчас расцарапает его до крови, но не отдастся.

– Я прошу тебя, прошу... – она вытерла слезы, размазав тушь по щекам.

– Ты же меня бросишь сразу, как только кончишь! И на этом вся моя карьера завершится. А мне нужна мечта, понимаешь? – вдруг

сверкнула злым цыганским глазом. – Ну, хорошо, о`кей, если так сильно хочешь и так припекло, могу у тебя отсосать, мне не жалко.

– Иди ты!..

Он развернулся, пошел складывать разбросанные по всей квартире шляпы, веера, боа из искусственного меха и прочую бутафорию. Обида, злость, жалость к себе за то нелепое положение, в котором очутился, стучали в виски. Взять бы фотоаппарат и раскроить ей башку! Манхэттенская блядь!..

– Нет, она не дешевая стриптизерша, эта девочка – из дорогого эскорт-сервиса, пять тысяч баксов за ночь, не меньше, – высказал слово эксперта Уолтер, когда «фильм» закончился. Он перевел дух, словно только что вернулся из опасного ночного рейда. Посмотрел на часы. – Вот и убили час времени. Спасибо Богу, послал мне такого напарника в смену. Русский режиссер! Русские – великая нация! А русские проститутки – те просто улет. Как же все-таки ее зовут?

Осип посмотрел на Уолтера отрешенным взглядом. От сухого воздуха в зале снова начали чесаться глаза. Мясистое лицо Уолтера, утиный нос, расстегнутая рубашка, кобура для пистолета...

– Ее зовут... Кармен.

Глава 7

Машинально приложив средний и указательный пальцы – сначала к губам, затем к мезузе на дверном косяке, Джеффри отворил дверь и спустился по лестнице в полуподвальное помещение иешивы, где находилась кухня. Сюда едва долетали звуки из столовой сверху, где студенты заканчивали ужин.

Кухня, надо сказать, вид имела весьма затрапезный, как, впрочем, и вся иешива. Все в этом здании дышало изношенностью: столы были неустойчивые, шаткие, складные стулья гремели разболтанными перекладинами, двери сильно скрипели.

Что поделать, студенты хоть и должны вносить плату за учебу, но исправно делают это немногие: одни платят с большим опозданием, другие просто заявляют, что денег у них нет. Таких, безденежных, здесь все равно держат. Нельзя же еврею отказать в изучении Торы и Талмуда, дать ему от ворот поворот. Нельзя.

Так оно и тянется, из года в год: здание ветшает, трубы ржавеют, двери громче скрипят. Еврейская община Sea Gate выделяет иешиве денег ровно столько, чтобы хватило на оплату счетов за воду и свет, налог на землю, на самую невзыскательную еду и срочные ремонты, когда

скупиться и тянуть уже дальше нельзя, иначе рухнет крыша или взорвется котел бойлера.

Но для Джеффри эта иешива – земля спасения. Сердобольные раввины, дабы возвратить в Дом Яхве еще одну заблудшую еврейскую душу, дали Джеффу здесь работу повара. Так что, слава Богу! Барух Ашем! Толстые фолианты Торы и Талмуда, в кожаных переплетах, сверкают позолотой ивритских букв, в каждой из которых всемогущий Господь сокрыл великое учение о Своей любви к евреям. Золотятся витиеватые буквы, на фоне нищеты и затхлости словно желая напомнить о бренности и ничтожности всего земного и о величии всемогущего Творца...

На Джеффе – когда-то белая, а нынче посеревшая рубашка с закатанными по локоть рукавами, мятые черные штаны, стоптанные туфли. Пегая, с рыжеватым оттенком, борода топорщится. Надо заметить, он сам не ожидал такого – пегого, да еще и с рыжиной – цвета своей бороды.

Как было сказано ранее, образ Джеффри, на первый взгляд – обычного хасида, при более внимательном наблюдении многолик. Он, вроде бы, и похож на религиозного еврея, который только и знает, что корпеть над многомудрыми книгами и не интересуется ничем происходящим в этом грешном мире. Но в то же время, в Джеффе проглядывает и весьма энергичный мужчина, даже пижон и артист, на котором случайным образом очутилась эта скучная хасидская одежда и зачем-то выросла такая борода.

Какой из них настоящий, истинный? Прячется ли пижон под маской ревнителя ортодоксального иудаизма (а тогда Джеффри можно уличить в фарисействе), или же глубоко набожный еврей скрывается под личиной артиста? Как знать?! И даже прошлое Джеффа, где он наркоманил и скитался, потеряв все, даже знание о таком его нехорошем прошлом не дает полного ответа. Кто может измерить всю глубину сердца человеческого? Кто знает меру страданий, очищающих душу? Только великий Господь Бог!..

Такие вот философские мысли порой посещают Джеффа, когда он в своих кухонных владениях занимается стряпней.

В кухне все ветхо и запущено: в окошках крутятся лопасти вентиляторов, пыль с которых не снималась, наверное, лет десять, на старых плитах нагар толщиной в палец, в темной кладовке штабеля консервных банок вареной кукурузы и фасоли. Словом, обстановка не ресторанная.

Да и сам Джефф никак не похож на рекламных поваров в белоснежных колпаках с ямочками на румяных щеках. Но его движения точны и

пластичны. Это заметно, когда он, скажем, возле раковины счищает нагар с кастрюли или соскребает со сковородки приставшие обжарки: «вж-жик! вж-жик!» При этом иногда мурлычет в бороду песенки в стиле кантри или фолк. Когда Джефф в духе – если день прошел легко или вечером ждет что-то приятное – под песню Боба Дилана или Джонни Кэша даже может пуститься в пляс, с учетом, разумеется, ограниченного пространства между раковиной и плитой и занятости рук ножом или мочалкой.

Все вроде бы хорошо, но... В последнее время что-то изменилось в поваре иешивы. Почему-то все реже он поет и настроен отнюдь не философски. Напротив, часто хмур и чрезвычайно раздражителен.

* * *

Голоса сверху смолкли. Студенты, прочитав последнюю молитву перед уходом, сложили на столах полосатые талесы, рассовали по шкафам книги и, шаркая по полу ботинками, покинули этот храм науки. Следом за ними ушли и два учителя: один согбенный, старый, с тонким голоском и обмякшим лицом; другой – молодой, недавно вернувшийся из Израиля, где набирался знаний по хасидизму и укреплялся верой в скорый приход Мошиаха.

Ни души в иешиве. Тихо.

Джеффри, отвечающий не только за питание студентов, но и по совместительству выполняющий некоторые обязанности завхоза, прошелся по пустым коридорам, прикрывая двери классов, сопровождая вход в каждую дверь прикосновением пальцев к мезузам. Подобрал талес, кем-то небрежно брошенный на стул и съехавший на пол. Все чаще он поглядывал на часы, словно спешил куда-то или кого-то ждал. Хотя порядок, в общем-то, наведен, и можно спокойно отправляться домой. Но Джеффри почему-то не уходил.

Возле книжного шкафа что-то заставило его остановиться. Нет, не книги привлекли внимание повара иешивы, не буквы древнего иврита. И вовсе не собирался он сейчас читать мудреные комментарии к «Торе», хоть, может, там и таятся ответы относительно будущего Джеффа. Не книги заставили его застыть у того шкафа, не книги.

Замерев, смотрел он на свое отражение в стекле дверцы. Свет с улицы проникал через окна косыми лучами заката, и в силу какого-то сложного эффекта преломления лучей отражение в стекле получалось объемным, как на голограмме. Джефф, как бы став призраком, уходил внутрь, в четвертое измерение пространства, между стеклом и книгами, и сквозь этот призрак в ермолке и с всклокоченной бородой

просвечивали золотистые древние буквы. Но стоило чуть-чуть изменить угол, отражение пропадало, и на стекле был виден лишь слой пыли. Жутковатый холодок сбежал по его спине...

Настоящий дух с Того света! Слово очнувшись, Джефф махнул рукой, отвернулся и посмотрел на часы. Решительно полез в карман за мобильником. Пальцы в поисках нужного номера стали подрагивать. Нетерпение, даже злость почувствовал он. Вдруг – непонятно отчего – начал сильно дергать свою бороду. «Спокойно. Спокойно». Найдя, наконец, нужный номер, надавил кнопку. На звонок его, однако, никто не ответил.

– Дерь-мо! S-shit! – произнес он сипловатым голосом ругательства, вовсе не приличествующие месту для изучения иудаизма.

«Давай, Джефф, давай! Каждый день нарежь здесь хлеб, мой посуду, подметай полы. Почему я должен это делать, почему?! Когда-то в концертных залах мне аплодировали сотни зрителей, подносили цветы. Джеффри Гордон – восходящая звезда с редким колоратурным сопрано! Гордость семьи... И кто я теперь? Безголосый, всеми презираемый повар! Завхоз, без настоящего и без будущего. Почему я должен унижаться перед ребе, притворяться, изображая из себя ревнивого хасида? Получать жалкие подачки от синагоги. И за это быть благодарным Богу? Барух ашем? Fuck you!..»

Лицо его пошло пятнами. Он перемещался из комнаты в комнату, хлопая дверьми, обрушивая ругательства, обращенные неизвестно к кому. С прикуренной сигаретой спустился по лестнице в туалет, но бросил сигарету в писсуар и так, с расстегнутой ширинкой, вышел, не отлив ни капли.

Вдруг понял, как сильно он ненавидит Эстер. Вот кто виновник всех его бед! Эстер – истеричная самка, жадная, хитрая. Опутала его цепями, ласками своих пухлых рук, своим звонким смехом, своими лживыми крокодилыми слезами! Еще и повесила ему на шею, как ярмо, своего тупого сына. «Дебил!» – воскликнул Джеффри, ударяя в дверь ногой, и непонятно к кому – Мойше или самому себе – было обращено это оскорбление. Эстер все равно ему не доверяет. Сколько бы он ни делал для нее, она за ним следит, смотрит на его руки – нет ли следов от уколов, тайком шарит по его карманам! Окружила его шпионами, выпытывает у студентов, в котором часу он пришел в иешиву, где и с кем провел ленч. Дура, набитая дура! Она думает, что может держать под ногтем его, самого Джеффри Гордона! «Эстер, никогда – слышишь? – ни-ко-гда! – ты не узнаешь обо мне всей правды и не заставишь плясать под свою дудку. Ты для этого слишком глупа,

потому что много пьешь пива. Ты же алкоголичка, такая же, как и твой бывший муж!»

– Алкоголичка! Сука! – низвергал Джеффри камнепады проклятий, поднимая поваленные им же самим стулья и разбросанные талесы. Часто вынимал из кармана мобильник и звонил по тому же номеру. Но на том конце загадочный некто упорно не откликался...

– Наконец-то, слава Богу! Заходи... – торопливо бормотал он, впуская Стеллу внутрь, когда она дважды коротко нажала кнопку звонка.

...Здание иешивы утопало в зелени. Птицы на ветках заливались трелями, провожая еще один чудный летний день.

Впустив Стеллу, Джефф высунул наружу голову и, убедившись, что все спокойно, захлопнул дверь.

А бездомная рыжая кошка, какими полон Sea Gate, вынырнув вдруг из кустов, вскочила на перила террасы дома. Показала кривенькие острые клыки и, спрыгнув вниз, скрылась.

* * *

Они спустились по ступенькам в кухню, во владения повара иешивы, который, надо сказать, к тому времени вид имел неважный и был очень взволнован.

– Извини, хотела прийти пораньше, но пришлось задержаться по делу, – извинялась Стелла.

– Да-да, понимаю, проходи сюда.

Остановились в дальнем углу, где стояли два старых кресла, а над ними в окошке гудел кондиционер.

– Такой же, как в прошлый раз? – спросил Джефф с тревогой и надеждой в голосе.

– Точно такой же, не переживай.

– Давай, – сердце его росло в размерах, ширилось во впалой груди.

– Сейчас, минутку, ван момент, – Стелла аккуратненько воткнула ноготок в невидимую прорезь сарафана и, как фокусница, извлекла оттуда квадратный целлофановый пакетик с сероватым порошком.

Обмен произошел мгновенно для неискушенного ока. Только в замедленной съемке можно было бы увидеть, как пакетик с героином попадает в ладонь Джеффа, где миг назад лежала десятидолларовая купюра. Ну а затем... Тут уже все видно и без кинокамеры: Стелла прячет деньги, Джефф из ящика извлекает шприц и ватку для процеживания, из крана льется водичка. Под ложкой вспыхивает огонек зажигалки. Сероватый порошок растворяется, раствор входит в шприц.

– Ты что, колешь в ногу? – спросила Стелла, видя, как Джефф, сидя в кресле, закатал штанину до колена и туго стянул шнурком голень.

– Да... После того раза Эстер проверяет мои руки... – он умолк, поскольку начиналась самая важная, самая волнующая часть этого священнодействия, значение и важность которого может понять только тот, кто сам так сидел с теплым шприцем в руке, выискивая на своем теле вену.

А Стелла, чтобы не искушать судьбу видом шприца и иголки, отошла. Достала из кармашка сарафана другой пакетик, с кокаином. Высыпала порошок на гладкую металлическую поверхность стола. Выровняла полоску и приблизила к ней нос с неестественно расширенной левой ноздрей, поскольку пальцем была зажата ноздря правая.

Тишина... Тишина падения, в котором нет ни жен, ни детей, ни денег, ни работы, нет ничего... Есть только благодатное тепло, разливающееся по всему телу, мгновение обещанных звезд и любви, и вечности, влекущей тебя потом в пучину отчаяния и боли...

– Боже мой, я так устала от всего этого! Если бы ты мог меня понять...

– Стелла подошла к Джеффу, сидевшему в кресле с блаженно прикрытыми глазами.

Худое, угловатое его лицо разгладилось, пятна на щеках и на лбу сошли, даже борода – и та, казалось, стала ровнее. Джефф погружался в кайф, находя сейчас полное примирение с собой и с жизнью. Он уже не помнил ни своих стенаний о загубленной жизни, ни брани, незаслуженно обращенной к Эстер и Мойше. Не помнил о своем треснувшем колоратурном сопрано, ни о ребенке, ни, тем более, о том, что завтра нужно прийти сюда пораньше – привезут бутылки с питьевой водой.

– Он меня просто извел, просто замучил, – продолжала Стелла жаловаться на Осипа, отлично зная, что Джефф ее не слушает. Ему сейчас хорошо. – Понимаешь, мне с ним очень трудно, я постоянно вынуждена играть какую-то роль. Когда я с ним, я не могу быть собой. И, главное, я боюсь, что он узнает, кто я, какая я на самом деле...

Бросив взгляд опытной наркоманки на блаженствующего Джеффа, Стелла вытащила сигарету и защелкала зажигалкой, но огонек не вспыхивал:

– Вот ч-черт, не зажигается, – она говорила то на русском, то на английском, вовсе не заботясь о том, на каком языке следует ей говорить с ним.

Он понимал и так. Джефф был родной, знакомый, из падших; хоть он – еврей из Кентукки, а она – молдаванка, с примесью цыганской крови, из Бессарабии. Какая, впрочем, разница, кто откуда, из какого

городишки, – кентуккийского или бессарабского? Важно, с кем тебе хорошо.

А Стелле, надо сказать, в последнее время намного лучше было находиться в компании с этим несчастным поваром, чем с тем блестящим ненормальным режиссером, которого она, по правде сказать, даже начала побаиваться.

Она видела зажигалку, оттягивающую карман рубашки Джеффа. Но, чуткая, не хотела обрывать ему кайф, это плавное падение в бездну.

Подошла к плите, повернула ручку, и после мелкого треска конфорка вспыхнула цветком. Таким голубым васильком. Или пионом, что когда-то росли во дворе возле их дома. Прикурив, вкусно затянулась, проглотив дым. Да, все люди разные: одному нужно уколоться и молча блаженствовать. А вот ей, после кокаина, нужно обязательно закурить и говорить.

Она расхаживала по кухне, зачем-то поднимала крышки кастрюль, переворачивала черпаки:

– Я ненавижу, ненавижу его и все его кино! Он реально хочет превратить меня в Кармен. Он, по-моему, забыл мое настоящее имя. Ты не представляешь себе, что он заставляет меня выделять: ползать между острых камней с каким-то дурацким мешком в руках, еще и по колени в воде! Я должна часами сидеть якобы за швейной машинкой, до онемения в спине. Драться ножами! – с этими словами она сняла висящий на крючке длинный кухонный нож и принялась махать им перед собой. Разгорячившись, метнула дикий взгляд на Джеффа. – А теперь он хочет, чтобы я научилась танцевать фламенко. Даже как-то раз повел меня в танцевальную студию.

Стелла уже находилась в коридорчике возле туалета. На стене там висело большое зеркало. Перед зеркалом Стелла выгнула спину и слегка подала вперед плечо. Завела назад напряженные руки...

– Та-та-ра-та... – сделала несколько резких взмахов. Да-да, так, именно так. Перед ее мысленным взором стояла сцена из «Эль Сида», где Софи Лорен исполняет фламенко. Великолепная, незабываемая сцена...

Кокаин работал отменно: ничто не могло перебить необычайную легкость, охватившую все естество Стеллы.

– Он заставляет меня часами слушать музыку Бизе! – говорила она, взяв со стола дуршлаг. – Меня уже бросает в дрожь от тех скрипок, от того «тай-та, тарай-та-та».

– Это из «Кармен», что ли? – тихо, словно проснувшись, спросил Джефф, заслышав знакомую мелодию.

– Да, из «Кармен», откуда же еще, – Стелла шла по центру зала, держа над головой дуршлаг, как шляпу. Вдруг покачнулась, в голове у нее что-то перемкнуло:

– А-а!!! – и полетела на пол. – Видишь, какие муки приходится терпеть, – пожаловалась она, вставая и поглаживая бедро. Сунула пальцы в прорезь скрытого карманчика и извлекла оттуда несколько целлофановых пакетиков с порошком, дабы убедиться, что они целы. Джефф с жадностью взглянул на эти пакетики.

– Десять баксов за каждый, – промурлыкала Стелла, потрусив, как колокольцами, пакетиками над его головой...

...– Я люблю, понимаешь, люблю его, люблю и боюсь. У меня никогда не было мужчин, вернее, я имела их столько, сколько зернышек в этих консервных банках с кукурузой. Но я не помню ни их лиц, ни имен... Я никого не любила, понимаешь, никого никогда не любила, даже своего бывшего мужа, от которого у меня ребенок... – она вытерла слезу. – Но этот черт хочет моей любви! И я тоже этого хочу... Я мучаюсь ужасной бессонницей. Прихожу на уборку и запираюсь в ванной, якобы там что-то мою, а на самом деле сажусь на тазики с грязным бельем, чтобы хоть чуточку поспать.

Она плюхнулась в кресло, снова закурила:

– Будто я не знаю, чем все закончится? Он мной попользуется, а потом бросит. Что тогда у меня останется в жизни? У меня же больше ничего нет, кроме этих съемок. Что вообще у меня было хорошего в жизни? В семье меня никогда не любили. Для родителей я была, как мусор, они были помешаны на моем младшем брате Ромке.

Джеффри как будто внимательно слушал, но часто закрывал глаза, и зажженная сигарета выпадала из его пальцев.

За окнами уже серело. А в кухне было по-прежнему светло от ламп.

Но лампы не могли одолеть наползающую отовсюду тьму.

– Неужели ты ни разу ему не дала? – спросил он.

Согнувшись, Джефф поглаживал пальцем место от укола на ноге, где под волосками засохла струйка сбежавшей крови. Ему почему-то становилось жарко. Не так жарко, как должно быть от героина, а иначе, как-то нехорошо.

Ватки с кровью, шприц, ложка, покрытая нагаром, валялись на столе. Он подумал, что хорошо бы сейчас добавить обороты кондиционера, чтобы как-то сбить, приостановить льющийся в его грудь и голову жар.

– Дала пару раз. И жалею об этом. Верись, мне легче трахнуть с кем угодно, за любые деньги, даже бесплатно, но только не с ним... И я ведь отлично знаю, что ничего у нас с ним не получится, это невозможно: кто я и кто он. А у него еще и жена, ребенок. Зачем мучить его и себя?..

Стелла бросила на Джеффа тревожный взгляд. Что-то ей не понравилась в бледности его лица и губ. Еще полчаса назад его лицо даже румянилось.

– С тобой все о`кей? – спросила она.

На столе возле шприца валялись все десять пустых целлофановых пакетиков от героина.

– Душновато. Подкрути кондиционер, – попросил он. Ноги его отяжелели, стали, как из ваты.

Став на кресло, она повернула до отказа пластмассовую ручку старого кондиционера. Мотор рявкнул, и загудело сильнее. Стелла подставила руки под струи, выходящие сквозь пластмассовую решетку.

– Теперь лучше. Сейчас остынешь, – спустилась вниз и, подойдя к столу, стала собирать «аксессуары». – Где здесь выбрасывают мусор?

– Там, – Джеффри даже пальцем не двинул.

В большой черный бак она выкинула окурки, а с пустыми пакетиками и шприцем ушла в туалет, и через минуту оттуда послышался плеск сливаемой в унитаз воды.

– Вот и хорошо.

Кокаин прекрасно развязывает женский язык. Особенно после длительного перерыва, а Стелла не употребляла наркотики с тех пор, как ушла из секс-бизнеса. Ей хотелось продолжать жаловаться на свою несчастную жизнь, на страх, что Осип ее бросит, на ненависть к себе, лютую ненависть, которую она испытывает за то, что причиняет Осипу боль, на одиночество и боязнь скорой смерти... Она даже подумывала, не открыть ли Джеффу самую главную, самую страшную тайну – уже пять лет как она больна СПИДом, заразившись через иглу. И одного этого более чем достаточно, чтобы уйти и оставить Осипа в покое.

– Я никогда не смогу... – начала, было, она, отряхивая на ходу руки. – Эй, что с тобой? – подбежав, присела на корточки возле Джеффа, сползшего с кресла на пол.

– Эй! Эй! – она хлопала его по щекам, сильно, наотмашь.

Голова Джеффри дергалась то в одну, то в другую сторону. Он вроде бы чуть шевельнул губами и попытался приоткрыть глаза.

– Эй, очнись! Wake up! – повторяла она то на русском, то на английском, не переставая хлестать его по щекам.

Сильно потянула за рубашку, оторвав несколько пуговиц. Стала давить руками его волосатую тощую грудь:

– Эй! Эй!..

...Ровно через двадцать пять минут, после того как Стелла, вытащив из его кармана мобильник, нашла номер Эстер и, прикрыв микрофон ладонью, сказала не своим, грубым, голосом: «Он в иешиве, быстрее»

сюда», и исчезла, так вот, точно так же, над Джеффом теперь сидела Эстер и с истеричными криками била мужа по остывающим щекам и уже почти бездыханной груди.

...С грохотом по лестницам в кухню иешивы спустились два полицейских Sea Gate. Они прижимали руки к пистолетам в расстегнутых кобурах и несли баллончики с кислородом.

Героин, как известно, замедляет циркуляцию крови и приостанавливает работу легких, они перестают наполняться воздухом и не обогащают кровь кислородом, а при героиновом «переборе» постепенно сжимаются и в конечной фазе свертываются, как два резиновых мешочка. И тогда наступает смерть.

Все эти фазы оттока крови и прекращения работы легких можно было наблюдать, глядя, как умирает Джефф. Правда, полиция подоспела уже к последней фазе, когда его лицо стало совершенно гипсовым, а губы – серыми, с сиреневым оттенком по краям. Несколько часов назад в ожидании героина напоминавший разъяренного льва, он теперь безжизненным червяком лежал на полу, у ножки кресла.

Копы надели ему на лицо кислородную маску, соединенную с баллончиком. Один коп сообщил в запищавшую рацию:

– Иешива в Sea Gate. Похоже на героиновый овердоз. Срочно машину!

Эстер в ужасе кусала кулачки, едва ли не засовывая их себе в рот.

Джеффри не шевелился. Глаза его оставались закрытыми, рубаха разорвана, штаны с подкатанной одной штаниной наполовину сползли.

– F-fuck!.. Он умирает, – сказал коп, щупая пульс на руке Джеффа.

– Поймал парень свой кайф... – отозвался другой, придерживая кислородную маску на лице лежащего.

В кухне иешивы уже находились несколько бородатых хасидов, в черных лапсердаках и в шляпах. Они бросали беспокойные, недовольные взгляды то на Эстер, то на копов, пытающихся спасти этого непутевого еврея...

Окончание ознакомительного фрагмента